

eISSN 2311-2468
Том 12, № 8. 2024
Vol. 12, no. 8. 2024

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

**МОКШИНА Е. Н., СУПОНЬКИН А. В.
ИОАННО-БОГОСЛОВСКИЙ СОБОР
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК САРАНСКА**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению памятника архитектуры федерального значения Иоанно-Богословского собора, построенного в Саранске в XVII веке. До 1991 г. храм являлся второй кафедрой архиереев Пензенских и Саранских, единственным действующим храмом Саранска и округи. С образованием самостоятельной Саранской и Мордовской епархии собор стал школой священнослужения. Через алтарь храма прошло большинство нынешних священнослужителей Мордовской митрополии. После открытия нового собора в честь праведного воина преподобного Феодора Ушакова храм сохранил соборный статус.

Ключевые слова: Иоанно-Богословский собор, Саранская и Мордовская епархия, Мордовская митрополия, архитектура, священнослужители.

**MOKSHINA E. N., SUPONKIN A. V.
ST. JOHN THE THEOLOGIAN CATHEDRAL
AS HISTORICAL MONUMENT OF SARANSK**

Abstract. The article is devoted to the architectural monument of federal importance, St. John the Theologian Cathedral, built in Saransk in the 17th century. Before 1991 the church was the second cathedral of the bishops of Penza and Saransk and the only functioning church in Saransk and its surroundings. With the formation of the independent Saransk and Mordovian diocese, the cathedral became a school for priestly service. Most of the today's clergymen of the Mordovian diocese passed through the temple's altar. After the opening of a new cathedral in honor of the righteous warrior St. Theodore Ushakov, the church retained its cathedral status.

Keywords: St. John the Theologian Cathedral, Saransk and Mordovian diocese, Mordovian metropolitanate, architecture, clergy.

Памятник архитектуры федерального значения Иоанно-Богословский собор (собор во имя апостола господня Иоанна Богослова) является единственным в Саранске зданием XVII века. За продолжительную историю своего существования он не раз перестраивался, в нем освещались пределы, менялась колокольня, в ограде собора была построена церковь Богоявления Господня.

По дошедшим до нас сведениям первые строения храма относятся ко времени правления Елены Глинской. С. Б. Бахмустов и В. Б. Махаев приводят дату строительства

деревянной церкви во имя апостола господня Иоанна Богослова как 1600 г. [1; 10; 11]. Они основываются на сведениях протоиерея А. И. Масловского (1841–1892 гг.), настоятеля Троицкой церкви Саранска во второй половине XIX в., изучавшего церковную историю Саранского уезда, который сообщал: «Иоанно-Богословская церковь современна основанию /Саранска/. В 1873 году, по случаю снятия с престола одежды, в престольной доске найден антиминс толстого русского холста, помеченный 1600-м годом, без патриаршей подписи. Из этого видно, что церковь Иоанна Богослова началась стройкою ранее 1600. Кроме того есть икона Благовещенія Пресв./ятой/ Богородицы с надписью: "написана сия икона 1600 года"» [9, с. 15]. Д. В. Фролов, ссылаясь на то, что антиминсы обязательно стали использоваться на литургиях только с 1675 г., выдвинул предположение о том, что этот четырехугольный плат с мощами православного мученика, хранился внутри престола как святыня в храме¹ [16, с. 86]. Он датирует возведение деревянного храма 1640 годом.

В 1693 г. был освящен первый в Саранске каменный храм. Деревянное строение церкви стояло рядом до 1824 г., когда было продано в с. Маколово Симбирской губернии для возведения сельской церкви. Возведение нового здания по сведениям отца Алексея Масловского началось в 1671 г.: «Это удостоверяет подпись на иконе Николая Чудотворца, означенная 1671 годом» [9, с. 15].

В XVIII в. храм был дополнен двумя пределами. В XIX в. к храму была пристроена колокольня и трапезная. «В объемной композиции уравновешены куб двусветного храма с пятиглавием и вертикаль трехъярусной колокольни. Композиция центрального фасада храма – перспективный портал входа» [10; 11].

Храм Иоанна-Богослова возводился в стиле Московского (Нарышкинского) барокко, установившемся в храмозводчестве России в последние десятилетия XVII века. Храм и его интерьер с высокими сводами и барочным иконостасом не подвергались переделке. Нарышкинское барокко являлось синтезом достижений древнерусского зодчества и архитектурного стиля Европы: килевидные навершия наличников, многослойные порталы, ряды из пяти закомор над верхним наличником, структурно связанных с внутренним конструктивом храма. И. Э. Грабарь писал: «Подводя итоги всему, что сделано Россией в области искусства, приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих. Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм...» [6].

Купола в храме заменяют традиционную шатровую крышу. Пятикупольная композиция во имя Господа нашего Иисуса Христа и евангелистов Иоанна, Марка, Матфея и

¹ Антиминсы располагаются на поверхности престола.

Луки имеет черный цвет, символизировавший смирение перед волей Всевышнего. Широко представленные в оформлении фасада церкви элементы русского узорочья (кокошники, наличники, карнизы, пояски) позволили некоторым историкам культуры отнести собор к направлению манияризма, который ушел из русского зодчества к 1680 году [6].

Церковь возводили стрельцы – «служилые люди, были православного исповедания, весьма приверженные к своей вере» [6, с. 13], и располагалась она на территории стрелецкой слободы города. Внутренние росписи храма Иоанна Богослова и его иконостас были выполнены московскими мастерами Оружейной палаты Кремля, которую И. Э. Грабарь называл «министерством культуры московского средневековья». «Живоподобная» иконопись школы Симона Ушакова отразилась в образах церковного иконостаса.

Придел во имя Благовещения и колокольня XIX в. были выстроены в стиле господствующего в этот период классицизма. В XIX в. «при церкви значится 113 дес. пашенной и лесной земли, подаренной еще при царях Иоанне и Петре Алексеевичах» [10, с. 15].

В начале XX в. у храма церковного капитала было 1 500 руб., земли 163 десятины, земли жертвованной 50 десятин, половина доходов с которой идет на украшение храма, а половина в пользу причта. Причтового капитала 2 675 руб. Братского дохода 707 руб., аренды с земли 685 руб. [15].

В 1930-х гг. храм закрыли. В 1938 г. в Мордовский республиканский краеведческий музей было передано более 150 единиц хранения из внутреннего убранства Иоанно-Богословского храма: иконы, облачение, древние книги и т.д. [16, с. 86–109].

Храм, располагавшийся в центре города, подлежал сносу. Отстояли его верующие, которые писали во все инстанции [2; 3]. В 1944 г. в нем состоялась пасхальная служба.

В статье И. А. Зеткиной и М. Ю. Грыжанковой, основанной на устных источниках изучения местной церковной истории XX в., так описано это время: «Как мы узнали, что будет служба в Саранском храме, – не скажу. Друг по дружке... Но были уверены – Господь сподобит. Пасха в том году на середину апреля пришла. Растворилось (весенний разлив рек. – прим. авт.). К станции (железнодорожная станция Красный Узел. – прим. авт.) через речку от села не перебраться, нужно через Ромоданово, пять километров, но и не на всякий поезд тогда сядешь... А очень боялись не поспеть, пропустить. Мы с товарками пешком в город пошли. Утром вышли. К началу вечерней службы там были. Свечки кто-то дал. Поставили сразу за всех». Авторы приводят воспоминания участников исторической службы: «Соборная площадь, не вместившая молящихся, собравшихся со всех прилегающих к городу деревень; образ демобилизованного по ранению диакона, который держал кадило рукой

только с двумя пальцами; венчания давно женатой пары по обету демобилизованного по ранению мужа-фронтовика. А позднее... заупокойные службы по павшим на фронтах и умершим в саранских эвакогоспиталах» [8, с. 158–159].

В 1946 г. храм вернули верующим. Он был отреставрирован. Заново были расписаны своды с максимальным соблюдением прежних сюжетов росписи. В храме находился почитаемый список чудотворной иконы Владимирской Божией Матери. В 1964 г. властями была предпринята новая попытка закрыть храм, которую предотвратили верующие. В храме сохранились сведения о том, что в 1970-е гг. по воскресным дням здесь крестили по 80 младенцев и венчали по 25 пар. На таинства выстраивались очереди.

В это время и позднее многие верующие шли в храм за советом и напутствием. С 1979 г. здесь служил отец Иоанн Верендеякин, будущий старец схиигумен Иероним (Санаксарский). В 1974 г. он «устроился сторожем в Иоанно-Богословский собор Саранска. В следующем, 1975-м г., 6 апреля, епископом Пензенским и Саранским Мелхиседеком (Лебедевым) он был рукоположён в диякона, а на другой день – в иерея. Прихожане полюбили доброго и отзывчивого пастыря. "Люди часто приходят ко мне, – говорил старец Иероним, – утешения просят. Я никого не гоню. Учу правильно молиться, искать исцеления не тела, а души... Мы, как работники одиннадцатого часа, которые были наняты после всех и трудились меньше всех, не на труды свои надеемся, а на милость Божию"» [5].

Наиболее заметной фигурой храма Иоанна Богослова этого времени, оставшимся в легендах и преданиях города, «определенном его духовные искания», стал юродивый Христа ради Ванюшка (Иван Константинович Волков). «Очень рано у Ванюшки открылся дар пророчества. И к нему шли как любопытствующие и не верящие, так и жаждущие помощи. По воспоминания очевидцев, без ответов не уходил никто. Но ответ мог быть прямым или представлялся в действии, облекался в форму афоризмов, картинок из книг или заголовков газетных статей.

Параскева Степановна Гундяева спрашивала у Ванюшки о внуке Владимире, юном послушнике, уехавшем в Африку с митрополитом Никодимом. Родственники волновались отсутствию вестей о нем. Ванюшка предложил прочитать главу 5-ю Евангелия от Матфея: «Зажженный светильник не ставят под сосуд, наоборот, его ставят на подставку, чтобы светил всем в доме». Через годы послушник Владимир стал Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Особым даром блаженного Ванюшка был дар исцеления недугов. Ванюшка "видел" болезнь, даже если она не проявлялась симптоматически. Лечил как юродивый: молитвой, ударами по больному месту, черным хлебом с солью, водой. Умывал и давал пить из «своей колонки»: водонапорной колонки на территории Иоанно-Богословского собора. По

воспоминаниям верующих, блаженный многих спас от алкоголизма. При этом его «лечение» всегда помогало. По молитвам Ванюшки многие из них не только исцелялись, но и получали работу, жилье, избегали тюрьмы, создавали семьи и т.д. [7].

До 1991 г. Иоанно-Богословский храм являлся второй кафедрой архиереев Пензенских и Саранских, единственным действующим в Саранске и округе. С образованием самостоятельной Саранской и Мордовской епархии собор стал кафедрой Владыки Саранского и Мордовского епископа Варсонофия [12; 13]. Он говорил о храме: «Был собор, вмещавший 500 человек, для 300 тыс. города – это, конечно, маловато» [4]. Иоанно-Богословский храм являлся отправной точкой пути многих священников епархии, школой священнослужения. Через его алтарь прошло большинство нынешних священнослужителей Мордовской митрополии: кто-то пел на лирофоне, кого-то рукоположили в сан диакона или иерея, после чего здесь последовал положенный сорокоуст. После открытия нового собора в честь праведного воина преподобного Феодора Ушакова храм сохранил соборный статус [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахмустов С. Б. Православные приходские храмы Мордовии: энциклопедический словарь-справочник. – Саранск, 2015. – 364 с.
2. Белкин А. И. Запрещено говорить о боге // Вестник Мордовского университета. – 1992. – № 3. – С. 23–25.
3. Белкин А. И. Русская православная церковь в Мордовии в 20-х – середине 60-х годов XX века. – Омск: Амфора, 2017. – 144 с.
4. Варсонофий (Судаков А. В.), епископ. Доклад на Епархиальном собрании 8.11.1996 г. // Саранские епархиальные ведомости. – 1996. – № 3 (10). – С. 6–15.
5. Владимирова Е. Старец-любовь. Памяти санаксарского старца схиигумена Иеронима [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/105812.html> (дата обращения 10.02.2024).
6. Грабарь И. Э. Для меня Церковь всегда была Отеческим домом... // Странник. – 2000. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://strannik-lit.ru/o.%20Georgiy_02_11.html (дата обращения 10.02.2024).
7. Зеткина И. А. Иван Константинович Волков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sarep.ru/> (дата обращения 10.02.2024).

8. Зеткина И. А., Грыжанкова М. Ю. Местная история Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны в устных источниках // Гуманитарий. – 2010. – № 2. – С. 151–161.
9. Масловский А. И. Город Саранск (Историко-статистическое описание) // Пензенские епархиальные ведомости. – 1880. – № 18. – С. 10–22.
10. Махаев В. Б. Саранск. Книга городских перемен. – Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2012. – 56 с.
11. Махаев В. Б. Храмы Мордовии. – Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2012. – 48 с.
12. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 2005. – 532 с.
13. Мокшина Е. Н. Этническая ситуация в Республике Мордовия на современном этапе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1997. – 16 с.
14. Мокшина Е. Н. Этноконфессиональная ситуация в Мордовии (XX – начало XXI века). – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2023. – 100 с.
15. Попов А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. – Пенза: Тип. Губернского правления, 1896. – 272 с.
16. Фролов Д. В. Саранск XVII столетия в документах и артефактах. – Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2019. – 444 с.

ГРИГОРЬКИН В. А., МЕЩЕРЯКОВ С. В.
СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА 1632-1634 ГГ.: ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ И КОМПЛЕКСЫ

Аннотация. В работе охарактеризован ход и особенности Смоленской войны 1632-34 гг. Эти особенности, с одной стороны, выделяют данный конфликт из числа подобных русско-польских войн, а с другой – делают его своего рода «продолжателем» данных столкновений двух держав Восточной Европы в их двухсотлетнем противостоянии.

Ключевые слова: Смоленск, Михаил Шеин, полки иноземного строя, Россия, Речь Посполитая, наемники, Владислав, крепость Белая.

GRIGORKIN V. A., MESCHERYAKOV S. V.
SMOLENSK WAR OF 1632-1634: TRADITIONS, INNOVATIONS AND COMPLEXES

Abstract. The work describes the course and features of the Smolensk War of 1632-34. These features, on the one hand, distinguish this conflict from the number of similar Russian-Polish wars, and on the other hand, make it a kind of «continuator» of these clashes between the two powers of Eastern Europe in their two-hundred-year confrontation.

Keywords: Smolensk, Michael Shein, regiments of European type, Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, mercenaries, Vladislav, fortress Belaya.

Смоленская война 1632-34 гг. занимает в истории России особое значение. Это – первая война России после окончания Смутного времени, первая война династии Романовых, попытка «взять реванш» – вернуть утерянный Смоленск. Кроме того, осознав слабость отечественных вооруженных сил по сравнению с современной европейской военной моделью (впервые армия России столкнулась с этой слабостью в ходе т.н. «Баториевой войны» 1577-82 гг., еще в ходе Ливонской войны), правительство Романовых активно использует полки иностранных наемников и пытается их отечественный аналог. Наконец, эта война является своеобразным «индикатором» психологического состояния русского общества, только недавно вышедшего из потрясений Смутного времени.

Смоленская война закончилась неудачно для России и поэтому ныне практически забыта. Тем более важно изучать не только славные воинские даты побед наших войск, но и поражения, чтобы учиться на допущенных ошибках. С этой стороны данный конфликт также очень важен, поскольку хронологически находится почти что между окончанием Смуты (Стобовский мир 1618 г.) и Тринадцатилетней войной (1654-67 гг.).

Потери территорий в ходе событий Смуты были тяжелы и крайне болезненны. Подобные утраты были совершенно неприемлемы для Московского царства, и при любой

возможности их надо было вернуть. Если с потерей северных городов Балтийского побережья Русь еще могла временно смириться (благо торговля с Европой все равно шла через Архангельск), то утрату Смоленска, воспринимала очень болезненно (еще в ходе Смуты было предпринято несколько попыток отбить этот город у поляков).

Смоленская война весьма интересна с точки зрения обзора русских войск, которые приняли в ней участие. Царь Михаил Федорович, буквально, с первых лет своего правления и начал восстановление русской армии, но созданные воинские отряды оказалось весьма небоеспособным. Дело в том, что основным костяком служилых людей были помещики. Экономическая и хозяйственная разруха Смутного времени, разорение и обнищание крестьян, сильно ударили по состоятельности этого военного сословия. Напомним, что в это время помещик собирался на войну за свой счет и «кормился» со своего имения, а значит от его благосостояния зависела боеготовность всего войска. Если в досмутное время средний по состоянию помещик выставлял по 2-3 послужильцев, то в послесмутное время наблюдалась иная ситуация. Почти 80% готовых к службе дворян вообще не могли выставить даже одного послужильца. Остальные дворяне могли выставить в поход одного-двух, максимум трех человек [2, с. 99]. Некоторые землевладельцы, пострадали на столько, что без государственной поддержки, они не могли приобрести даже коня [2, с. 95]. Последствия Смуты тем самым ослабили главную силу Московского царства – поместное войско. Другая часть армии – стрельцы, хорошо обученная и мотивированная, но их значительная часть находилась в гарнизоне русских городов и крепостей и в дальних походах не участвовала.

Накопившиеся проблемы в армии заставили правителей страны – Михаила Федоровича и патриарха Филарета заняться реформированием армии. Идея заключалась в создании солдатских и рейтарских полков. В первой половине XVII века эти полки показали себя наиболее эффективными в годы Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.). Основными особенностями этих полков стала их регулярность и то, что содержание их осуществлялось за счет государства, а не самих служащих. Рейтарские и драгунские полки – конные войско, вооруженное преимущественно огнестрельным оружием, формировалось за счет малопоместных дворян и детей боярских. Содержание рейтар стоило значительно дешевле, так как не предусматривало тесного боевого контакта в ближнем бою [4]. Солдатские полки – пешее войско, состоящее из пикинеров и мушкетеров, во многом напоминало старое стрелецкое войско, однако могло осуществлять успешные наступательные действия за счет наличия «ударных частей» – пикинеров, которые в случае чего могли прикрыть мушкетеров от вражеской кавалерийской атаки и в свою очередь нанести массовый атакующий удар [4].

Первоначально предполагалось основывать новые солдатские полки из обедневших служилых людей «по отечеству» – согласно традиции. Из-за крайне малого количества явившихся на призыв дворян эти планы были сорваны. К записи в солдаты были допущены вольные люди: казаки, татары, мордва, представители других финно-угорских народов.

Организацию и тактику солдатских полков Московское правительство почерпнуло, как из Шведского корпуса Делагарди в годы Смуты, так и из опыта европейских войн, принесенных в Россию в нанятыми европейскими офицерами. Из дипломатических соображений, вербовку в Россию иностранных офицеров и солдат широко вела Швеция.

Стоит признать, что в 1630-х гг. Россия фактически находилась в орбите влияния Швеции. Шла Тридцатилетняя война (1618-48 гг.), король Густав II Адольф, имевший планы вмешательства в европейские дела на стороне протестантов, был заинтересован в том, чтобы сковать католическую Польшу, а также, как это не странно – в стабильности России. Швеция, периодически сталкиваясь с нехваткой продовольствия, была крайне заинтересована в поставках русского хлеба по условиям Столбовского мира 1617 г. (спекуляции русским хлебом позволяли ей поддерживать высокую численность своей армии, помимо всего прочего).

Поэтому Россия получила от Швеции практически бесплатно ряд важных военных технологий, которые в иное время стоили бы ей очень дорого. Например, отливка легких полевых пушек, которые можно было передвигать по полю боя силами артиллерийского расчета, что существенно усиливало огневую мощь пехотных подразделений (в 1630 г. в Москве начал работу шведский мастер-литейщик Юлиус Коет). Кроме того, в 1630-х гг. начинается индустриализация России: в 1632 г. еще один швед, в будущем, знаменитый Андрей Виниус оказал существенное содействие основанию тульского и каширского военных заводов, а также – чугуноплавильные и железоделательные предприятия.

Весьма интересно, что перед началом войны русское командование провело серьезную разведывательную деятельность пограничных территорий, основало сеть осведомителей и цепь передачи как разведывательной информации от местных агентов к адресатам, так и денег, предназначенных в награду за предоставленные сведения. Более того, сведения об этом регулярно вносились в архивы. Это является весьма важной инновацией в военном деле России, поскольку в известных источниках содержится не так уж много данных об информаторах, шпионах и разведчиках с территории Речи Посполитой, сообщавших русским воеводам ценные сведения о событиях в своей стране. Такими русскими разведчиками были шляхтичи Семен Ромейков, (он же Шиман, литвин Семен Шиман, Семен Ромейкович или Семен Петрович), и Василий (Васько) Шалыгин [5, с. 81].

Кроме того, на пограничных территориях местные жители симпатизировали России: с 1623 г. «на территории смоленского палатината (включавшего, кроме собственно Города, еще и Дорогобуж, Белую, Стародуб и Почеп) было разрешено строить лишь католические и униатские храмы, что приводило к столкновениям на религиозной почве и бегству православных через границу» [7, с. 35].

К началу войны, полевая армия Российского государства, выставленная на Смоленское направление, насчитывала около 28,5 тыс. человек, командовал ей прославленный герой обороны Смоленска – М.Б. Шеин. Значительную часть русского войска составляли полки иноземного строя – это 7575 русских солдат и 2791 немецких наемников, что вместе давало 10366 солдат; рейтарские и драгунские полки – 2188 чел.; поместная конница – 10559 чел. Таким образом, все же основную силу конницы русской армии составляли дворяне и дети боярские – «традиционные» войска Российского государства [6, с. 344].

Подходящий момент для начала военных действий наступил в 1632 г. когда умер король Речи Посполитой Сигизмунда III. Процесс передачи власти шел сложно, в польском государстве наступил период «бескоролевья», во время которого магнаты и шляхта были заняты выборами нового монарха. Кроме того, в Европе вовсю шла война Католической лиги и протестантских стран, часть польских войск (в частности – знаменитые «лисовчики») активно участвовали в этой войне.

Этим решили воспользоваться в Москве. Не дожидаясь окончания Деулинского перемирия, было решено начать войну, которая и была объявлена 20 июня 1632 г.

По разработанным планам, Большой полк под командованием Михаила Шейна должен был идти из Можайска по направлению к Дорогобужу и, после его взятия, выйти на Смоленск. Вспомогательные войска князей Семена Прозоровского и Ивана Кондырева выступал из Ржева на крепость Белая. Отряд стольника Богдана Нагого, располагавшийся под Калугой, нацеливался на Серпейск и Рославль. После выполнения первоначальных задач, они объединялись с войсками Шеина под Смоленском.

Также в плане присутствовало второстепенное направление боевых действий. Отдельный полк русских войск под командованием Плещеева должен был захватить Новгород-Северский.

Боевые действия развернулись позже запланированного. Это произошло из-за внезапного набега крымского хана Джанибек-Гирея. Сказались и традиционные организационные сложности (например, местнические споры).

Открытые боевые действия начались 12 октября. Первый этап Смоленской войны (1632-1633 гг., совпавший с периодом «бескрулевья» в Речи Посполитой), завершился довольно серьезным успехом России: в октябре-декабре 1632 г. были заняты Кричев, Серпейск, Дорогобуж, Белая, Рославль, Трубчевск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Батурино, Невель, Себеж, Красный и другие города. Это – безусловный и серьезный успех, практически – «молниеносная война».

Основной логистической проблемой стали дожди и размокшие дороги, из-за которых передвижение войск сильно ограничивалось, а подвоз осадной артиллерии сильно отстал от основной армии Шеина. Самый тяжелый артиллерийский наряд застрял до весны в Вязьме.

Разбирая ход восьмимесячной эпопеи осады Смоленска армией Шеина, нужно отметить, что ключевую роль в трагическом развитии событий сыграла слабая активность осаждающих. «Осада города началась 17 сентября 1632 г. Но только в ночь на Рождество русские «стали в первый раз пробовать счастья» – подступаться к стенам. В марте 1633 г. из Москвы с трудом доставили осадную артиллерию и начали планомерную бомбардировку города (зато после этого, согласно запискам находившегося в осажденном городе иезуита Яна Велевицкого, «в продолжение одного дня было бросаемо в крепость около 3500 неприятельских бомб»), из-за плохих дорог и налетов польских отрядов регулярно случались перебои с подвозом припасов и пороха» [5, с. 82].

Осада затянулась, и деблокирующая армия новоизбранного короля Владислава IV успела сказать свое веское слово. Поляки организовались и нанесли ответный удар.

Польская армия Владислава IV по современным оценкам насчитывала 21 270 человек и уже превосходило войска Шеина, ослабленное боями. Войско Владислава подошло к осажденному городу 25 августа 1633 г. Шеин занял выжидательную позицию, отдав инициативу противнику, что и предопределило поражение его армии.

В дело вступил новый, неожиданный фактор – психологический. По всей видимости, затягивание военных действий, последние неудачи, перебои с обозными поставками, негативно сказались как на полководческой воле командующего русскими войсками Шеина, так и его подчиненных. Кроме того, Шеин в прошлом был в плену у поляков и целовал крест королю и Речи Посполитой на том, что никогда более не будет воевать против них. Это также могло сказаться на его волевых качествах [1, с. 32].

Бездействие русских воевод было отмечено даже в польских документах. Автор «Дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королевичем Владиславом 1632-1634 гг.» писал, что при приближении польской армии «неприятель смотрел на это и ни разу не выстрелил и не двинул из своих острожков». Воспользовавшись пассивностью русского

командования, Владислав в тот же день «ударил на передовые неприятельские острожки и вытеснил неприятеля из острожка, защищавшего мост, перекинутый через Днепр». Последующее сражение у Покровской горы 11-13 сентября завершилось тяжелым поражением русской армии. Она оказалась блокированной в своем лагере почти на полгода [6, с. 345-346].

Психологический фактор «надлома» русских войск можно объяснить наличием своеобразного «комплекса поражения»: после страшных событий Смутного времени, после разгрома под Клушино, после того, как польские жолнеры превратили «Третий Рим» в пепелище, а враг вошел в сердце страны – в Кремль.

«Смута породила глубокий комплекс неполноценности, что в течение очень долгого времени терзал все русское общество. Примером, подтверждающим тезис о распространения тяжелого комплекса неполноценности, является эпизод боевых действий под Смоленском, когда Василий Измайлов, представитель высшего командования русской армией, во время боевых действий «съезжался с литовскими людьми» и во всеуслышание «хвалил литовского короля», заявляя: «Как против такого великого государя монарха нашему московскому плюгавству биться?»» [5, с. 315-316].

Глубину неверия в свои силы, можно четче осознать, если вспомнить, что так себя вел один из соратников Михаила Шеина, главнокомандующего русскими войсками.

Кроме того, на боеспособности русских войск под Смоленском негативно сказался эффект начавшегося на юге масштабного набега крымских татар. Традиционно, начавшийся отъезд дворянской конницы от Смоленска, называют дезертирством и бегством, но «поместная» конница на самом деле спешит на «татарскую войну».

«15 февраля 1634 года Шеин начал переговоры с поляками об условиях «почетной» капитуляции. 21 февраля 1634 г., русские войска с личным оружием, но без артиллерии, запасов и снаряжения, беспрепятственно отступили к границе. Значительная часть иностранных наемников перешла на сторону победоносного Владислава. Самым тяжелым условием соглашения стало согласие Шеина выдать полякам всех перешедших на его сторону перебежчиков и лазутчиков» [1, с. 53].

Этот договор сыграл решающую роль в его судьбе. 28 апреля 1634 г. М.Б. Шеин, А.В. Измайлов и его сын В.А. Измайлов были казнены в Москве. Это первый в истории России случай казни полководца за проигранное сражение. Не вдаваясь в подробности, стоит отметить, что Шеин, как командующий, был безусловно виновен в пассивности в наиболее острые моменты смоленской эпопеи.

Судьба России в очередной раз «повисла на волоске»: набеги крымских татар с юга, включение в войну на стороне поляков запорожцев, наступление армии Владислава на Москву – все это создавало крайне тяжелую ситуацию для правительства Михаила.

«В последний момент всегда находится рота солдат, которая спасает цивилизацию», – сказал однажды великий философ Освальд Шпенглер. В нашем случае, такой «ротой» стал гарнизон небольшой крепости Белая, под командованием князя Федора Волконского.

Армия Владислава IV двигалась на Москву, и по пути король решил захватить эту небольшую крепость, гарнизон которой активно действовал на польских коммуникациях. Гарнизон белой насчитывал около тысячи человек: несколько приборов стрельцов, дворяне и дети борские, казаки, а также – обученные местные жители. Крепость оказала совершенно неожиданное для польского короля ожесточенное сопротивление. С 13 марта по 8 мая, почти 2 месяца, крепость героически отбивалась от войск Владислава, выдержала несколько штурмов, попытку подвести подземную галерею с миной, гарнизон вел активную оборону, делал вылазки в королевский лагерь. Русские воины стояли насмерть – и в свою очередь психологический надлом можно заметить у поляков. «Всего в боях под городом противник потерял около 4 тысяч человек и так не смог взять крепость. К концу осады стены крепости были так залиты кровью, что ее можно было переименовывать в Красную» [1, с. 94].

Эта и ряд других неудач, отражение русскими набегов татар и запорожцев, привели к началу переговоров. Поляновский мир был подписан 14 июня 1634 года. К России отошел город Серпейск, в остальном новый мир подтвердил Деулинский. Самым значимым для Михаила было то, что Владислав отказался от претензий на русский престол (получив значительную сумму в качестве компенсации за этот отказ).

Россия проиграла войну. Но, несмотря на неудачу войны в целом, итоги данного конфликта можно расценить как положительные для руководства Россией. Был получен обширный опыт, который был обдуман и воплощен в конкретные меры, позволившие следующую войну с Польско-Литовским государством (1654-67 гг.) закончить с более благоприятным результатом.

Смоленская война – классический пример того, что «забитого – двух небитых дают»: в ходе войны мы можем наблюдать, как традиционные для военной модели России моменты: активное использование дворянского войска, слабости наших войск в полевом бою с польской армией, героическая оборона крепости (еще Антонио Поссевино отмечал: «Насколько слабо защитники сопротивляются полякам в открытом бою или в поле, настолько решительно они защищают крепости и города» [8, с. 552]); так и инновации: широкое использование иностранных наемников, появление полков «иноземного строя»,

освоение западного военного опыта и теории, шпионаж. Пока что данные новшества находятся в процессе развития. Некоторые из них исчезнут – например, практика широкого найма иностранных солдат (потому что наемники за плату будут убивать врага, но умирать за нанимателя отнюдь не согласны). Некоторые – полки «иноземного строя» – получат дальнейшее развитие. Кроме того, Смоленская война в полной мере показала недостаточную организацию оборону южных границ, что привело к ее реорганизации и появлению новых оборонительных линий (Белгородская и др.).

Таким образом, значительные эффекты от этой войны многообразны и более значителен, чем можно это понять на первый взгляд, причем ряд из них имеют отложенный эффект. Смоленская война обернулась для России войной «на два фронта»: вспомогательный южный фронт превратился во «второй», когда Польше удалось подключить к этой войне Крымское ханство, и Москва уяснила для себя, что войну на два фронта выиграть невозможно. Этим уроком Смоленской войны Москва и воспользовалась, когда в 1650-годах сама навязала Польше войну на два фронта.

Совершенно новым фактором стал проявившийся психологический надлом от событий Смутного времени. В Смоленскую войну он начал проявлять себя, позднее проявившись в полной мере в ходе событий Великого Расскола.

Таким образом Смоленская война является одним из важнейших событий первой половины XVII века и нуждается в дальнейшем исследовании. Остается только сожалеть, что она «оказалась в тени» предшествующих (Смута) и последующих (Бунтавший век) событий. Успешная оборона крепости Белая против противника, который превосходил ее гарнизон более чем в 10 раз – достоин встать в один ряд с другими знаменитыми оборонами в отечественной истории и безусловно, достоин отдельного рассказа. Это же в полной мере относится и к другим событиям того сложного и героического времени. Это не должно быть забыто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов А. П. Сказание о Волконских князьях. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 112 с.
2. Воробьев В. М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых «городов» при первых Романовых // Дом Романовых в истории России: Сб. статей. – СПб., 1995. – С. 93–108.
3. Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630-1680-е годы // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 121–122.

4. Меньшиков Д. Н. Боевая сила армии М. Б. Шеина в Смоленском походе 1632-1634 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/boevaya-sila-armii-m-b-sheina-v-smolenskom-pohode-1632-1634-gg> (дата обращения 15.05.2024).
5. Кленов Н. В. Несостоявшиеся столицы России: Новгород, Тверь, Смоленск. – М.: Вече, 2011 – 320 с.
6. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. – М.: Яузা, 2010. – 448 с.
7. Ракитин А. С. Северский поход и осада Чернигова. Боевые действия на юго-западном порубежье Московского государства и Речи Посполитой в период Смоленской войны (1632-1634 гг.). – М.: Древлехранилище, 2021. – 192 с.
8. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 880 с.

КИРДЯШОВА Е. В., ФЕДЯКИНА В. М.
МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые мифы о первом русском царе – Иване IV Грозном. Авторами указывается на их происхождение, объясняются причины их появления. Отмечается, что мифы об Иване Грозном широко проникли не только в историческую литературу, но и в современные школьные и вузовские учебники, а также давно являются важными темами в культурном наследии.

Ключевые слова: Россия, царь, миф, опричнина, террор, история, культура.

KIRDYASHOVA E. V., FEDYAKINA V. M.
MYTHS ABOUT IVAN THE TERRIBLE: TRUTH AND FICTION

Abstract. The article discusses some myths about the first Russian tsar, Ivan IV the Terrible. The authors trace their origin and explain the reasons for their appearance. It is noted that the myths about Ivan the Terrible have widely penetrated not only into historical literature, but also into modern school and university textbooks, and have long been important topics in cultural heritage.

Keywords: Russia, tsar, myth, oprichnina, terror, history, culture.

История России чрезвычайно богата знаковыми историческими личностями, чья деятельность оказала влияние на ход общественно-политического и социально-экономического развития страны. Еще со времен Н.М. Карамзина, т.е. с начала XIX в. в историографии роль личности в истории ставится в качестве одного из ведущих факторов истории. Одной из таких личностей является первый русский царь Иван IV Васильевич, еще при жизни нареченный Иваном Грозным. Стоит отметить, что Иван IV Грозный – одна из самых противоречивых личностей в российской истории. Если сейчас, в XXI веке, спросить, кто же такой Иван IV Васильевич, то опрошенный могут дать диаметрально противоположный ответ. Для одних это великий царь, с именем которого связываются реформы государственного управления и армии, завоевание Поволжья, начало освоения Сибири. А вот для других это жестокий и безумный правитель, унесший жизни тысяч людей, символом которого является политика опричнины и массовые опричные казни.

Нельзя не отметить живучесть мифов, которые неразрывно связаны с личностью Ивана IV. Мифы о данной личности ходят по нашей стране до сих пор и необходимо понять, что есть правда, а что ложь, вошедшая в научный оборот еще с XVI в. Стоит отметить, первые по хронологии работы, посвященные Ивану IV его современниками, носили крайне субъективный и отрицательный характер. К большому сожалению, оценки личности и

правлению Ивана Грозного из этих работ перекочевали в «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, для которой они и стали главной источниковой базой [3; 7; 11]. И с этого момента рассмотрение правления Ивана IV ведется как противопоставление мудрого начального периода и нещадной тирании периода опричнины и последних лет его жизни. Даже в историографии XX – XXI вв. подобные тенденции присущи большинству исследователей. Они стремятся показывать как успехи царя, например, в восточном направлении внешней политики, так и его неудачи, характеризуя итоги правления Ивана IV как негативные, приведшие страну к Смутному времени и закрепощению крестьянства [4; 9]. Подобные характеристики переносятся из монографической литературы в школьные и вузовские учебники, в которых мы по-прежнему можем встретить все те мифы про первого русского царя, которые возникли еще при его жизни.

А как Иван IV Васильевич представлен в современных российских школьных учебниках, в которых XVI в. рассматривается в 7 классе? Зачастую Ивана Грозного в них представляют как человека жестокого, который с детства видел поведение бояр по отношению к нему. Так, например, Е. В. Пчелов и П. В. Лукин отмечают: «Лицемерие, честолюбие, злоба в сочетании с постоянным страхом за свою жизнь проявлялись еще с детства» [8, с. 15]. Большое внимание уделяется детству Ивана IV, поскольку именно в этот период сформировался его характер. Так, Т. В. Черникова и Р. В. Пазин отмечают, что Иван IV «привык к расправам» еще с детства [10, с. 24]. Отметим, что правителя описывают как верующего человека, который «ходил босиком по снегу в Троице-Сергиев монастырь замаливать грехи» [10, с. 83]. Иван Грозный вел практически монашескую жизнь, он пел псалмы и настолько «ревностно молился, что на лбу у него всегда оставались знаки крепких земных поклонов» [5, с. 220]. Иван IV Васильевич предстает перед учениками школ не только как жестокий правитель, но еще и человек недоверчивый, видевший в каждом своем бывшем стороннике изменника, а также злопамятный. Стоит отметить, что практически во всех школьных учебниках рассказывается и об убийстве царем своего сына, тем самым ширя об этом легенду. Таким образом, мы видим, что в школьных учебниках Ивана IV Грозного изображают как жестокого человека, унесшего жизни не только простых людей, но и своих приближенных и даже родного сына. Как отмечал Б. Г. Пашков в памяти народа Иван Грозный «остался как царь-тиран, царь-мучитель» [5, с. 237]. Отметим, что и опричнина в школьных учебниках по истории России показана с негативной стороны, добавляя, что «Иван Грозный превратил террор в форму государственной политики» [10, с. 67]. Опричников авторы называют «кромешниками», которые именовались «ловцами», а бояре – «ловом» [5, с. 220]. Отмечается так же внешний вид опричного войска: «к седлам были привязаны собачьи головы и метлы в ознаменование того, что они грызут царских

«лиходеев» и метут Россию» [5, с. 220]. Особое внимание авторы уделяют казням, совершенным в данный период. Так, например В.Г. Пашков, описывая смерть брата царя Владимира Старицкого, пишет: «Иван IV вместе с опричниками захватил Владимира, его жену и двух сыновей в деревне, недалеко от Александровской слободы, и заставил их принять яд» [5, с. 220]. Ивана Висковатого, бывшего члена Избранной Рады, «привязали к бревнам, сложенным крестом» и казнили [10, с. 69]. Таким образом, мы видим, что личность Ивана IV Грозного, время его правления, а в особенности опричнина в школьных учебниках явно показаны с негативной стороны. Именно из-за подобной характеристики царя складываются легенды о жизни, характере и поступках Ивана IV Васильевича до сих пор.

В вузовских учебниках по истории России характеристика правления Ивана IV Грозного выглядит более сглаженной. Авторы меньше подвержены акцентированию взгляда студентов на негативные черты правления царя, практически не концентрируя внимания на его личных чертах. Гораздо больший по объему материал дается о периоде реформ Избранной Рады, а говоря об опричнине, упоминают не только о негативных (казнях, новгородском погроме), но и о ее позитивных чертах в контексте политики централизации. Следует также отметить и тот факт, что опричнина Ивана IV ставится в контексте событий внешней политики России второй половины XVI в. [1; 2]. Очень важным отличием от школьных учебников истории является и демонстрация основных оценок российских историков о правлении Ивана Грозного [1, с. 89-91].

Как уже было отмечено, о личности Ивана Грозного сложилось множество мифов. Поэтому, мы постараемся рассмотреть самые знаменитые легенды, созданные о первом российском царе и на конкретных примерах указать, какие из них являются действительно правдой, а какие ложью, а также, откуда и почему они появились.

Одним из самых распространенных мифов о царе является, что его жестокость и кровожадность стали проявляться еще с детства. Нужно отметить, что это, действительно, правда. Согласно данным, Иван IV Васильевич в детстве издевался не только над животными, но и над людьми. Как пишет Р.Г. Скрынников: «Кровавые забавы тешили «великого государя»...» [9, с. 20]. Если рассматривать поведение юного правителя, то стоит отметить, что свой первый смертный приговор он вынес в возрасте 13 лет. Еще один факт добавляет В.Б. Кобрин, ссылаясь, правда, на не совсем объективный источник: «мальчишка был не только наблюдателен, но и жесток и злобен. По воспоминаниям Курбского, лет в двенадцать Иван начал «безсловесных крови проливати», сбрасывая их с высоких крылец» [4, с. 29]. Стоит отметить, что в школьных учебниках авторы считают, что причиной такого поведения Ивана Грозного стало отношение бояр к нему, поскольку он с детства видел все их зверства [10, с. 24-25].

Достаточно противоречивая характеристика личности Ивана IV ведет к соединению в первом русском царе двух, казалось бы, несовместимых черт личности – жестокость и религиозность. Отсюда рождается миф, что Иван Грозный был человеком очень религиозным, возможно, вследствие первой крайности своего характера. Да, это, действительно, правда – религиозность прослеживается сквозь все правление Ивана Васильевича. Так, еще с детства царь ездил по монастырям, а значительное влияние на Ивана Грозного оказали митрополит Макарий и протопоп Сильвестр. Как отмечает Р.Г. Скрынников: «рассказы Сильвестра производили на Ивана потрясающее впечатление. Священник зажег в его душе искру религиозного чувства. Иван увлекся религией и вскоре преуспел в своем увлечении». Царь «ревностно исполнял все церковные обряды», а в «минуты нервного напряжения он получал знаки свыше» [9, с. 51]. Кроме того, известно, что в 1567 году Иван IV проявил желание принять пострижение в обители Кирилло-Белозерского монастыря. Чтобы дать инокам монастыря доказательства в серьезности своего желания. Иван Грозный пожертвовал деньги на устройство кельи для себя в стенах монастыря, он «присыпал кресты и иконы для украшения своей кельи» [9, с. 297].

Однако, вокруг личности Ивана Грозного складываются и легенды, придуманные и созданные его приближенными, западными современниками царя и простым русским народом. И, что характерно, негативных мифов, связанных с жизнью и правлением Ивана IV гораздо больше, чем мифов позитивных. При этом отметим, что подавляющее число негатива о правлении Ивана Грозного относится ко второму периоду правления царя и неразрывно связывается с периодом опричнины и последних лет его правления, получившие даже наименование «Царство террора».

Главным негативным мифом о правлении Ивана Грозного является миф о том, что за время правления Ивана Грозного, а в особенности в период опричнины, были убиты десятки тысяч человек. Да, можно утверждать, что за период царствования Ивана IV Васильевича было казнено большое количество человек. Однако от рук Ивана Грозного и опричников погибли не десятки тысяч, подобные данные крайне преувеличены. Вопросом о масштабах террора во время правления Ивана IV занялся Р.Г. Скрынников. Как он отмечает, «по Синодику опальных, отравившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3000-4000 человек» [9, с. 334]. Соответственно, данный аргумент подтверждает, что подобное высказывание в сторону личности Ивана Грозного – вымысел. Вся необъективность мифа бросается в глаза при сравнении количества жертв в правление Ивана IV с подобными же цифрами в правлении его современников – французского короля Карла IX и английской королевы Елизаветы. Первый организовал страшное побоище протестантов-кальвинистов в Варфоломеевскую ночь, во время которой и

в несколько дней позже погибло более 100 000 человек. Королева Елизавета была известна тем, что приняла закон, требовавший вешать бездомных крестьян, потерявших свои земли в результате политики огораживания. И у этой правительницы число жертв исчисляется десятками тысяч человек. Однако отрицательным персонажем в европейской историографии является лишь Иван IV, тогда как Карл IX и, особенно, Елизавета, положительные.

С этим же мифом перекликается миф о происхождении прозвища первого русского царя, которого прозвали «Грозным», якобы за его жестокость. На Западе же Ивана Грозного вообще прозвали «Ivan the Terrible», что в переводе обозначает «Иван Ужасный». Да, Иван IV зачастую характеризуется как жестокая и кровожадная фигура в истории России, но свое прозвище он получил совсем не за это. На самом деле, данную приставку к своему имени Иван получил, когда стал героем исторических песен. Отмечают, что «в представлении людей того времени «гроза» символизировала стихию испепеляющую, неотвратимую и блестательную, притом стихию не столько природную, сколько божественную, знак вмешательства небесных сил в жизнь людей» [9, с. 462]. Таким образом, прозвище Ивана IV никак не связано с его жестокостью. Мало того, не забудем, что по легенде в день рождения Ивана Васильевича разразилась сильная гроза, что также нашло отражение в летописях [9, с. 7].

С этими мифами перекликается миф об убийстве Иваном Грозным своего сына Ивана. Его распространяют в школьных учебниках по истории, подкрепляя его известной картиной И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». На самом деле, Иван IV не убивал своего сына, а легенда об убийстве является ложью. Опровергая данный миф Р.Г. Скрынников пишет: «...роковаяссора произошла в день отъезда бояр. Минуло четыре дня, прежде чем царь написал письмо, выполненное тревоги по поводу того, что Иван-сын совсем болен. Побои и страшное нервное потрясение свели царевича в могилу. Он впал в горячку, и, проболев 11 дней, умер. Отец от горя едва не лишился рассудка» [9, с. 444]. Стоит отметить, что миф об убийстве Иваном Грозным собственного сына пошел от иезуита Поссевино, который прибыл в Москву только после похорон царевича. Согласно его версии, царь обидел супругу Ивана, из-за чего между правителем и царевичем разразилась сильнейшая ссора, в ходе которой Иван Грозный ударил посохом сына: «... к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супруги, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом» [7].

Несколько мифов связаны с опричниной, в том числе и тот, что опричники привязывали на шеи своих лошадей головы мертвых собак для устрашения. Именно так сейчас изображают опричников и их войско, но данный миф является вымыслом и этому есть обоснованное опровержение. Эта легенда берет свое начало со слов современника, который, описывая царский выезд, упомянул о собачьей голове у седла царя. На самом же

деле, это была искусно сделанная серебряная голова, щелкавшая зубами при езде. По словам Р. Г. Скрынникова, «опричники не могли иметь при себе отрубленные головы собак, потому что летом им пришлось бы в силу естественных причин менять эти головы ежедневно» [9, с. 190]. Возможно, свидетельство о головах имело в виду один из зимних походов опричной армии, когда собачьи головы вешали на лошадей для устрашения народа. В любом селе или городе собаки встречали опричников громким лаем и кусали тех, кто врывался во двор. Опричники безжалостно убивали собак, иногда даже вместе с хозяевами.

Основываясь на вышесказанном, можно сказать, что вокруг личности Ивана IV витает множество мифов и легенд. Однако важно понимать, когда именно и почему они появились, кто же замешан в их распространении. Основные мифы о жизни, правлении и деятельности первого русского царя сложились в конце XVI-начале XVII вв. уже после смерти царя. Они распространялись о правителе как народом, показывая его жестокость, так и иностранцами, писавшими, порой откровенно необъективные произведения на данную тему. Со временем мифы об Иване Грозном развивались, менялись и дополнялись.

Существенный вклад в легенды о царе внесли и его бывшие приближенные. Первым мифологом стал Андрей Курбский, бывший член Избранной Рады, бежавший в апреле 1564 г. в ливонский город Вольмар, откуда уже вел переписку с Иваном Грозным. В ее ходе Курбский обвинял царя в жестокости и варварстве, написав: «Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя» [6]. Курбский обвинял царя во всех его злодеяниях по причине того, что сам стал жертвой жестокости Ивана Грозного. Достаточно вспомнить, что после распуска Избранной Рады многие ее члены подверглись опалам со стороны Ивана IV, а своим приближенным, в том числе и самому Курбскому, царь перестал доверять. Соответственно, став жертвой Ивана IV, А.М. Курбский и начинает обвинять царя во всевозможных грехах.

Еще одним человеком, распространявшим мифы об Иване IV Грозном, стал иезуит Антонио Поссевино. Именно он развивал миф об убийстве Иваном Грозным своего сына Ивана. Но парадокс заключается в том, что Антонио Поссевино прибыл в Москву уже после похорон царевича, хотя сам иезуит в трактате сообщает, что известия о смерти сына Ивана Грозного были получены им из «достоверных источников». Кроме того, данную легенду «подкрепила» картина И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», написанная не по следам самого события, а лишь в конце XIX века. В целом, до сих пор данная легенда известна и повествование о ней сохраняется в современных российских школьных учебниках по истории России.

Необходимо разобраться, почему Антонио Поссевино распространял легенды об Иване Грозном. Причина этого заключается в том, что иезуит прибыл в Россию для того, чтобы склонить Ивана IV к унии с католицизмом, но папский представитель получил отказ от царя. Папа Григорий XIII надеялся, что в условиях тяжелого положения страны на фоне завершающего этапа Ливонской войны Иван Грозный пойдет на уступки в вопросах веры, однако его убеждения не оправдались. Таким образом, получив отказ от царя, иезуит прибыл на Родину, где и написал произведение «Московия», в котором собрал мифы о личности Ивана Грозного.

Среди мифотворцев об Иване Грозном, стоит отметить и Генриха Штадена, автора «Записки о Московии», в которых он описывал опричнину, поход на Новгород, показывая жестокость правителя. Он писал, что Иван IV «...каждый день отправлялся в какой-нибудь монастырь и чинил произвол, приказывал вершить суд над монахами, многие из которых были убиты» [11, с. 115]. Также Штаден описывает и казни в Москве, показывая все зверства, совершенные Иваном Грозным. Так, например, он рассказывает о казни казначея Никиты Фуникова: «Никиту Фуникова привязали на торгу за руки к столбам, облили горячей водой и тоже сожгли» [11, с. 121]. Почему же Генрих фон Штаден распространял мифы о русском царе, если был одним из его опричников? Перебравшись в Россию, Генрих фон Штаден был принят в Посольский приказ толмачом и получил имя Андрей Володимирович. Его владения были зачислены в опричнину, в составе опричного войска он участвовал в карательном походе на Новгород в 1569-1570 гг. Однако, после нашествия Девлета I Гирея на Москву и бегству опричников с поля боя, начался пересмотр вотчинных и поместных дач, в результате чего Штаден лишился всех своих владений в России. В 1576 году Генрих фон Штаден покинул страну и перебрался в Голландию, где стал распространять мифы об Иване Грозном в силу оставшихся обид на царя. Немаловажным в «Записках о Московии» является и то, что автор крайне негативно показывает действия опричников, тем самым изображая все зверства Ивана Грозного, при помощи чего еще в XVI в. я миф о жестокости Ивана IV Васильевича получил «документальные свидетельства».

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что легенды об Иване IV Васильевиче были распространены как его приближенными, так и иностранцами. Русский народ пытался оправдать весь ужас, происходивший в этот момент в стране, поскольку опричнина, Ливонская война, походы на Казань и Астрахань унесли жизни тысячи людей. Смута, последовавшая за смертью Ивана Грозного, привела людей к страху и непониманию, чего же ожидать дальше, а также хотелось найти виновного во всем происходящем. Именно поэтому мифы об Иване IV Васильевиче были столь популярны не только в XVI, но и в дальнейшем. Иностранцы же обрисовывали время правления Ивана Грозного в версии, необходимой им

самим. Бывшие сподвижники распространяли мифы о царе в силу своих обид на него, возможно, ими двигал страх, беспомощность перед такой сильной иластной фигурой.

Необходимо отметить, что мифы и легенды об Иване Грозном сложились и благодаря народному творчеству. Достаточно вспомнить песни Казанского цикла, в которых Иван IV предстает в образе недоверчивого, жестокого, но при этом мудрого правителя. Стоит отметить, что отрицательный образ Ивана Грозного представлен и в сказках, например в произведении «Почему завелась на Руси измена». В поэме М.Ю. Лермонтова «Песнь о купце Калашникове», написанной в XIX веке, Иван IV Васильевич представлен так же в негативном ключе, ибо казнил купца Калашникова за убийство одного из его любимых опричников Кирибеевича. Заметим, что негативное отношение Александра II к Ивану Грозному продемонстрировано и в монументе «Тысячелетие России». Данный памятник, созданный в 1862 году, вместили в себе более 100 известных исторических личностей с IX по XIX вв., однако на данном монументе нет фигуры Ивана IV Васильевича. Этот парадокс объясняется его разорительным походом на Новгород в 1569-1570 гг., в котором как раз и находится памятник. Александр II лично счел фигуру Ивана Грозного недостойной нахождения на памятнике, в силу того, что город после разгрома государя подвергся страшному голоду, было казнено множество людей, в том числе и владыка Пимен, самые богатые и уважаемые купцы, например, братья Сырковы.

Итак, нами были рассмотрены самые распространенные мифы об Иване IV Васильевиче. И действительно, Иван Грозный – одна из самых противоречивых фигур отечественной истории, собравшая в себе множество загадок и тайн. До сих пор отношение к первому российскому царю неоднозначное: кто-то его критикует, не находя оправданий его жестокости, а кто-то не верит всем мифам и ссылается на достоверные источники. На основании этого возникает вопрос, возможен ли пересмотр мифов об Иване Грозном? Можно ли оправдать его действия и изменить отношение общественности к его фигуре? Наверное, мы можем ответить на этот вопрос положительно. Уже сейчас постепенно начался пересмотр личности Ивана Грозного в отечественной истории, что непосредственно связано с титаническими изменениями общества в свете СВО и потребности общества в сильном лидере, наводящем порядок в стране. Соответственно, общественный запрос должен получить адекватный ответ со стороны экспертного и научного сообщества.

Итак, нами были рассмотрены самые популярные мифы о личности Ивана Грозного. Фигура Ивана IV Васильевича по сей день вызывает огромный интерес не только у историков, но и у любого человека, заинтересовавшегося данным вопросом. Несмотря на существующие мифы, Иван Грозный остается великим правителем, который смог провести ряд удачных реформ, преобразовать нашу страну и вывести ее на новый путь развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. История России: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мангрув, 2004. – 560 с.
2. История России: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2004. – 520 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М.: Азбука, 2020. – 832 с.
4. Кобрин В. Б. Иван Грозный. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 174 с.
5. Пашков Б. Г. История России с древнейших времен до конца XVII века: Учеб. для 6–7 кл. общеобразоват. учеб. заведений. – М.: Дрофа, 2002. – 352 с.
6. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://knigi.kembibl.ru/Knigi/Perepiska_Andreja_Kurbskogo_i_Ivana_Groznogo.pdf (дата обращения 05.04.2024).
7. Поссевино Антонио Московия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://drevlit.ru/texts/p/possevino_kn2_text.php (дата обращения 05.04.2024).
8. Пчелов Е. В., Лукин П. В. История России. XVI– XVII века: учебник для 7 класса общеобразовательных организаций. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2017. – 224 с.
9. Скрынников Р. Г Иван Грозный. – М.: ACT: ACT МОСКВА, 2006. – 477 с.
10. Черникова Т. В., Пазин Р. В. История России. XVI – конец XVII века. 7 класс. – М.: «Просвещение», 2023. – 304 с.
11. Штаден Г. Записки о Московии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://vk.com/doc35528094_459752590?hash=D7HegZHe0CVeq6VnJzIbmYN5wtgsWnJoxPuh1A2tj0T&dl=1CDXZIu1tQjmiAEecEfzBD4nITJEobVMI3dgZFoeQS4 (дата обращения 06.04.2024).

БЛИНЯЕВ С. Н., КИСТАНОВ С. В., КУЛИКОВА В. С.
ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье рассматриваются общероссийские общественно-политические процессы в контексте их отражения на региональном уровне. Авторами отмечается, каким образом события общероссийского масштаба затрагивают Симбирскую губернию как типичного представителя провинциальной России.

Ключевые слова: политические партии, полиция, жандармы, выборы, Государственная Дума, агитация.

BLINYAEV S. N., KISTANOV S. V., KULIKOVA V. S.

**ALL-RUSSIAN POLITICAL PROCESSES IN THE RUSSIAN PROVINCE
ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR: A STUDY OF THE SIMBIRSK PROVINCE**

Abstract. The article considers the all-Russian socio-political processes in the context of their reflection at the regional level. The authors study how the events of the all-Russian scale affect the Simbirsk province as a typical representative of provincial Russia.

Keywords: political parties, police, gendarmes, elections, State Duma, political campaigning.

После бурных событий первой российской революции 1905-1907 гг. в Российской империи наступил период временной внутриполитической стабилизации. Данный период (1907-1914 гг.) в отечественной историографии получил наименование «Третьеиюньская монархия» по дню (3 июня 1907 г.), который официально завершил период революции и был ознаменован принятием нового избирательного закона. Стабилизация внутриполитической ситуации в стране, с одной стороны, была продиктована тяжелым поражением, которое потерпели в революционных боях радикальные политические силы, а с другой стороны, началом столыпинской модернизации, включавшей в себя аграрную и еще ряд реформ. Однако полностью похвастаться стабильностью эти годы не смогли: на смену политическому штилю 1907-1910 гг. пришел новый подъем общественно-политического движения, начавшийся после смерти Л. Н. Толстого и имевшим своим апогеем расстрел рабочих на ленских золотых приисках весной 1912 г.

Симбирская губерния, как типичный представитель провинциальной России, в данный период явилась отражением основных процессов, проходящих в стране. Здесь, на фоне проводимой столыпинской аграрной реформы, происходило восстановление сил

революционных политических партий (социал-демократов и социалистов-революционеров), оживление деятельности либеральной оппозиции (прежде всего, кадетов), а также вновь начинало расширяться аграрной и рабочее движение. На фоне этих процессов состоялись значимые события российской истории, такие как избирательная кампания в Государственную Думу IV созыва, празднование 300-летия воцарения династии Романовых и подготовительные мероприятия к будущей войне в контексте обострения международных отношений начала XX в.

Стоит отметить, что рассмотрение данного периода российской истории, в основном, проводится с акцентом на столыпинские преобразования, и, прежде всего, аграрную реформу [4]. В значительно меньшей степени исследуются отражение общероссийских общественно-политических процессов и общественных настроений. Кроме этого, стоит упомянуть и тот факт, что исследователями рассматриваются события преимущественно в губернских центрах, в то время как события на уездном уровне ускользают от их внимания [1]. Соответственно, общественно-политические процессы на западных окраинах Симбирской губернии (Ардатовский и Карсунский уезды), значительная часть которых в настоящее время входит в состав Республики Мордовия, требуют более пристального изучения, становящееся возможным, в том числе, и вследствие введения в научный оборот новых источников [2].

Период 1907-1914 гг., действительно, в какой-то степени законсервировал общественно-политические процессы в губерниях и уездах Российской империи, создав в них некую иллюзию застоя. Непосредственно после 1907 г. в губернии практически замирает активное революционное движение, вызванное как разгромом революционных организаций, так и физической высылкой в восточные районы страны наиболее политически активных деятелей [3]. Однако к концу периода Третьеионьской монархии в Симбирской губернии, как и в целом по России, революционное движение вновь оживает. Несмотря на тот факт, что основные политические события продолжали бушевать в губернских центрах или крупных промышленных центрах, революционеры (прежде всего, социалисты-революционеры) активизировали свою деятельность в уездах губернии.

И вновь одним из главных направлений деятельности революционных организаций становилось распространение антиправительственной литературы. Соответственно, борьба с революционными изданиями и их распространением на местах по-прежнему оставалось важнейшей сферой работы министерства внутренних дел и губернской администрации. Хотя, стоит отметить, что количество циркуляров, направленных на борьбу с распространением антиправительственных печатных изданий было намного меньшим, чем в период 1905-1907 гг. В предвоенный период, например, подобного рода циркуляры были разосланы симбирским губернатором Александром Ключаревым земским начальникам и

полицейским исправникам 17 сентября 1912 г. и 19 января 1913 г. К циркулярам прикладывались списки печатных изданий, издаваемых в данный период времени, которые подлежали задержанию на почте и немедленно передаче губернским властям. Список от 19 января 1913 г. включал в себя 31 наименование, издаваемые в 18 городах Российской империи от Риги и до Красноярска [7, л. 5].

Параллельно с этим местные власти чрезвычайно опасались оказаться в прицеле средств массовой информации оппозиционного толка, свидетельством чего могут служить события, произошедшие в селе Найманы Ардатовского уезда, где 31 декабря 1910 г. во время несчастного случая на общественных работах погибли 15 человек. Уже 6 января 1911 г. ардатовский уездный исправник «Спешно и секретно» требует от пристава 2 стана принять все необходимые меры по предотвращению освещения этого события левой прессой. От пристава требовалось направить в Найманы опытного урядника для наблюдения за всеми прибывающими в село лицами и их деятельностью, а о каждом прибывшем немедленно докладывать начальству с пояснением «кто он такой, откуда и когда прибыл и что делает в селе Найманы, и вообще о всех тревожных слухах в селе, касающихся этой катастрофы...». Также требовалось установить самое пристальное наблюдение на железнодорожной станции Чамзинка за всеми лицами, отбывающими с этой станции в село Найманы и по возможности выяснить личность этих лиц и цель приезда [6, л. 2, 6].

Подобным же образом власти стремились не допустить проникновения на территорию губернии любой информации, связанной со знаковыми общественно-политическими событиями. А начало второго десятилетия XX в. было ими богато.

Начало нового революционного подъема было непосредственно связано с личностью Л.Н. Толстого, соответственно, местные власти стремились не допускать распространением печатных материалов, приковывавших внимание общественности к личности уже умершего великого российского писателя. Так, в марте 1913 г. департамент полиции информировал губернаторов и градоначальников, что «в некоторых местностях империи в продаже появилась литографированная картина, изображающая Христа с терновым венцом на голове, целующего в лоб графа Льва Толстого, который обнимает руками Спасителя, как равного себе». Продажу данной картины осудил Святейший Синод, после чего Министерство внутренних дел приняло меры к изъятию данной картины. От губернских властей в данных условиях требовалось полностью запретить продажу данной картины [7, л. 20].

Резонансным событием в общественно-политической жизни страны стало дело Бейлиса, всколыхнувшее весь спектр политических организаций страны. Соответственно, власти также не могли не отреагировать на его следствия для внутриполитического положения в империи. В октябре 1913 г. симбирским губернатором на имя исправников была

разослана телеграмма, требовавшая полностью запретить демонстрацию кинематографических картин, посвященных делу Бейлиса [7, л. 58].

Параллельно с борьбой с революционной пропагандой проводилась работа по поиску и задержанию представителей революционных политических организаций. Ежегодно министерство внутренних дел обновляло списки подобных лиц, оживляя поиски какой-либо из обозначенных персон в случае появления информации о бегстве из мест заключения или появления информации о нелегальном возвращении кого-либо из них из-за границы. Время от времени в губернии империи рассыпались сведения о необходимости поиска какой-то особо значимой персоны. Весной 1912 г. такой фигурой стал один из лидеров Российской социал-демократической партии Георгий Валентинович Плеханов.

Приказ начальника Симбирского губернского жандармского управления о розыске Плеханова был направлен исправникам 16 марта 1912 г. В случае обнаружения данного субъекта, его следовало немедленно арестовать и обыскать, сообщив об этом сразу же в ГЖУ. В ориентировке давались подробные приметы Плеханова, а также констатировалось, что «Наружность его представительная, выделяющаяся из общей массы» [5, л. 4]. В марте-апреле 1912 г. на территории губернии, в частности в Ардатовском уезде, проводились розыскные мероприятия, однако 8 мая 1912 г. пристав 1 стана доложил ардатовскому уездному исправнику, что «дворянин Георгий Валентинович Плеханов на жительстве во вверенном уезде не состоит» [5, л. 6].

И, конечно же, в губернии прилагали все усилия с целью недопущения развития рабочего движения, составлявшего важнейшую часть нового революционного подъема в стране. Особо власти стремились проконтролировать события Первомая, которые рабочие традиционно использовали для организации антиправительственных акций.

В апреле 1912 г. губернские власти получают письмо министерства внутренних дел и, соответственно, рассыпают циркуляры чинам полиции, чтобы те осуществляли контроль над соблюдением порядка в потенциально взрывоопасные дни. В письме, пришедшем в Симбирск полицмейстерам и исправникам, требовалось установить самое тщательное наблюдение за настроениями рабочих, и в случае получения указаний на возникновение среди них каких-либо волнений, незамедлительно доводить до сведения министра, объясняя причины таковых. Самым важным в письме является указание на причины роста рабочего движения в стране – «ввиду обострившегося положения на Ленских золотых приисках...» [6, л. 19]. Соответственно, губернатор указывает исправникам и предполагаемую форму рабочих выступлений «...ознаменовать в текущем году по примеру прошлых лет традиционный социалистический международный праздник «1 мая» повсеместно посредством однодневной забастовки и других обычных выступлений» [6, л. 18].

Нашли в Симбирской губернии свое отражение и масштабные праздничные мероприятия, проходившие в Российской империи в 1912-1913 гг. – столетие Бородинского сражения и трехсотлетие воцарения в России династии Романовых.

Празднование первого мероприятия включало в себя торжественные мероприятия в столичных городах империи, а также проведение костюмированной реконструкции битвы на самом Бородинском поле, на котором приглашенные французы являлись уже союзниками Российской империи по Антанте. Соответственно, на праздничные мероприятия приглашались люди со всех уголков страны, для чего предварительно составлялись списки, которые согласовывались с Департаментом полиции МВД Российской империи. Так, в июле 1912 г. симбирскому губернатору был представлен запрос о списочном составе приглашаемых лиц на празднование в составе губернского предводителя дворянства, одного волостного старшины на выбор губернатора и не более пяти представителей инородческого населения губернии. Кроме них в праздновании на Бородинском поле могли присутствовать председатель губернской земской управы, городской голова губернского города и депутатия от сословий губернии для возложения венка к памятнику в честь Бородинского сражения. Данные лица должны быть снабжены специальными удостоверениями для предъявления московскому градоначальнику [5, л. 15]. Словом, посторонние лица во избежание каких-либо казусов, на праздничные мероприятия попасть были не должны.

Не менее тщательно власти готовились к празднованию в 1913 г. трехсотлетнего юбилея воцарения в России династии Романовых, праздничные мероприятия по поводу которых должны были охватить практически весь юбилейный год. Однако властям было прекрасно известно, что революционные политические организации стремятся, если не помешать их проведению, то, как минимум использовать их для пропаганды своих взглядов. Соответственно, с самого начала 1913 г. власти стали принимать меры, которые должны были нивелировать попытки революционных организаций помешать праздничным мероприятиям.

В январе 1913 г. канцелярия симбирского губернатора разослала циркуляр чинам полиции и земским начальникам губернии, в котором давалась информация по деятельности революционных политических групп за границей и возможной реакции на местах в контексте праздничных мероприятий. Так, губернатором сообщалось, что революционеры напечатали за границей 2 брошюры под названием «Дом Самозвановых», издания партии социалистов-революционеров и «Юбилей позора нашего – триста лет Романовых и лже-Романовых», под авторством Н. Троцкого издания партии РСДРП, а также большой (600 страниц) книги с картинками под названием «Последний Самодержец». Далее губернатор предполагает, что данная агитация, несомненно, вызовет в пределах империи, чем не

замедлят воспользоваться местные революционные группы, демонстрации, собрания и распространение летучих листков для распространения среди населения. Поэтому, всем чинам полиции и земским начальникам обращалось самое серьезное внимание на возможность их появления и предлагалось всеми дозволенными законом мерами пресекать распространение подобных изданий [7, л. 7].

В феврале 1913 г. губернатор в циркуляре полицмейстерам и исправникам сообщает, что по полученным данным социал-демократические организации собираются в праздничные дни устраивать митинги и демонстрации, преимущественно около заводов и фабрик. Сотрудникам полиции предлагалось принять самые строгие и настойчивые меры к недопущению подобных сбороищ, воздерживаясь, однако, от применения без крайней к тому необходимости, оружия [7, л.14]. Соответственно, особое указание губернаторы получили в преддверии 1 мая – Дня международной солидарности трудящихся. Шифрованной телеграммой министра внутренних дел Маклакова от 17 апреля местные власти предупреждались о желании революционных организаций праздновать этот день путем устройства массовых выступлений на улицах, митингов и демонстраций. Губернаторов требовали принять все необходимые меры для недопущения подобных выступлений, а о том, как этот день пройдет – телеграфировать министру [7, л. 35].

Главным политическим процессом предвоенных лет стали выборы в IV Государственную Думу Российской империи, прошедшие осенью 1912 г. Начавшийся революционный подъем вполне закономерно заставлял как центральные, так и местные власти опасаться за исход избирательной кампании. Эти опасения были актуальны и для Симбирской губернии, направлявший в предыдущие составы парламента и оппозиционных депутатов, в том числе и кадетов. Соответственно, власти всех уровней занимались мониторингом общественных настроений, стремясь максимально ограничить вмешательство оппозиционных политических сил на ход избирательной кампании.

Так, еще в марте 1912 г. губернское жандармское управление сделало запрос в уезды Симбирской губернии о прогнозах общественных настроений накануне выборов в IV Государственную Думу. Кроме всего прочего, жандармов интересовало: в какой мере и какое именно влияние на местное население и общественных деятелей оказывает Государственная Дума третьего созыва; в какой степени и в каком направлении можно ожидать влияние результатов деятельности Государственной Думы на ход предстоящих выборов; какие политические группировки в настоящее время существуют в уезде, и ведется ли политическая деятельность на местах, имеются ли в уезде группы политических партий и как велико может быть их влияние на ход выборов, будут ли партии проводить своих кандидатов или будут объединяться на период выборов; в какой мере можно ожидать благоприятных

исходов выборов в Государственную Думу и не предвидится ли опасений, что в члены Думы могут быть избраны левые; могут ли землевладельцы рассчитывать на поддержку духовенства или настоятели церкви настроены к ним враждебно и будут голосовать за левых [6, л. 12-13]. Как мы видим данный запрос показывает обеспокоенность властей и неуверенность в исход избирательной кампании, что и подтвердили сами выборы, когда в Ардатовском уезде победу на них одержали кадеты [2].

В сентябре 1912 г. губернские власти сделали запрос в уезды, относительно выборщиков, которые примут участие в съездах выборщиков. Соответственно уездный исправник сделал запрос становым приставам о данных по уполномоченных от волостных сходов, рабочих, мелких землевладельцев и духовенства, а также от крупных землевладельцев и городов. На каждого выборщика требовалось предоставить данные о звании, фамилии, имени, отчестве, возрасте, вероисповедании, образовании, поведении, общественном и экономическом положении, а также о принадлежности к политической партии. Данные требования было необходимо предоставить сразу же после окончания выборов по каждой курии [6, л. 26].

Соответственно, после завершения избирательной кампании губернатор направил исправникам и полицмейстерам письмо, в котором, для предоставления отчетности в министерство внутренних дел, требовал предоставить информацию о влиянии тех или иных политических партий на ход кампании. До 25 октября 1912 г. губернатор ждал информацию: об отношении к выборам отдельных классов населения и различных разрядов избирателей; об успехах предвыборной агитации и о результатах последней; о значении политических партий в общем ходе выборов и о влиянии партий на избрание выборщиков; о влиянии партийной группировки выборщиков на конечный исход выборов. Также начальникам полиции предписывалось прислать губернатору все данные, касающиеся выборов по Симбирской губернии, которые они признают полезными для характеристики хода выборов по вверенным им районам [7, л. 26].

В последний предвоенный год центральные власти продемонстрировали свою озабоченность ростом рабочего движения в стране. Все это приводило к появлению документов, требовавших хоть в какой-то мере решать рабочий вопрос, даже ценой уступок администраций предприятий. В июльском 1913 г. циркуляре министерства внутренних дел губернаторам и варшавскому обер-полицмейстеру содержатся вполне понятные опасения непрекращающегося рабочего движения в стране. Министерство честно констатирует, что главной причиной развития рабочего движения является тяжелое положение рабочих на предприятиях, а также вялая деятельность фабричной инспекции. От местных властей требуется внимательно подходить к явлениям, которые могут приводить к забастовкам,

особенно на военных предприятиях (указываются прямо заводы, на которых изготавляется продукция для артиллерийского ведомства империи), стремиться оповещать рабочих о нормах уголовного законодательства, как способе «охладить пыл» зачинщикам выступлений, а в случае невозможности разрешить конфликт мирным путем, проконтролировать, чтобы при расчете рабочие получали все им выделенные деньги. Понятно, что участников забастовок после этого требовалось брать под надзор полиции [7, л. 55-56].

Также, власти требовали тщательным образом препятствовать проникновению революционных элементов в армию, что было совершенно неприемлемо в условиях надвигающегося глобального военного конфликта. Так, 30 июня 1914 г. министерство внутренних дел рассыпает циркуляр губернаторам, направленный на пресечение подобных попыток. «В виду пресечения новобранцам, в особенности из фабричных и заводских рабочих и лиц, находившихся в отхожих промыслах возможности приносить с собой в воинские части прокламации и вообще произведения нелегальной литературы, министерством внутренних дел в призывы 1906-1913 гг. было предложено начальникам губерний и областей сделать распоряжение о производстве чинами полиции осмотров вещей тех из призывников, относительно которых возникает подозрение о нахождении у них прокламаций или запрещенных изданий. При этом министерством указывалось, чтобы подобные осмотры были проведены с полной осмотрительностью и по возможности без лишней огласки во избежание со стороны призывников каких-либо неудовольствий и их столкновения с чинами полиции, а также эти осмотры следует повторять при явке новобранцев из домашнего отпуска» [8, л. 101-102]. К сожалению, пресечь революционную пропаганду в армии полностью не удалось, и она сыграла свою негативную роль в развале армии в бурный 1917 год.

Таким образом, Симбирская губерния в годы, предшествующие началу Первой Мировой войны являлась типичным регионом Российской империи, в котором отражались основные общероссийские события общественно-политического характера. Централизованная система управление и выстроенная жесткая вертикаль исполнительной власти позволяла быстро транслировать события из центра страны в ее регионы. В этом контексте наглядным примером служит деятельность министерства внутренних дел Российской империи, которое посредством циркулярных писем и телеграмм быстро доводили до сведения местных властей свои установки. Значительную роль на местах, по-прежнему, занимала борьба с революционным движением, которое вновь начало нарастать после 1910 г. и перед началом Первой Мировой войны представляла собой серьезные проблемы для центральных и местных властей. Но и иные важные общественно-политические процессы (например, избирательная кампания 1912 г. или празднование 300-

летия воцарения династии Романовых) также отражались на жизни провинции. Поэтому, накануне 1914 г. и центр, и регионы страны переживали, во многом одни и те же общественно-политические процессы, испытывали схожие затруднения, неразрешенность которых выразится в бурных событиях Великой российской революции 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Мордовии: от эпохи великих реформ до великой российской революции / В. М. Арсентьев, Н. М. Арсентьев, С. Б. Бахмустов [и др.]; под ред. Н. М. Арсентьева, В. А. Юрченкова. – Саранск: Изд-во МГУ им. Н. П. Огарева, 2005. – 412 с.
2. Кистанов С. В. Борьба с оппозицией накануне выборов в IV Государственную Думу на примере Ардатовского уезда Симбирской губернии // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 1. – С. 45-48.
3. Кистанов С. В. Высылка эсеров с территории современной Мордовии в период первой русской революции (1905-1907 гг.) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1-1 (69). – С. 101–108.
4. Котляров С.Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906-1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саранск, 2005. – 276 с.
5. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 46.
6. ЦГА РМ. Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 55.
7. ЦГА РМ. Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 57.
8. ЦГА РМ. Ф. 55. – Оп. 2. – Д. 26.

КОРНИШИНА Г. А., КУЛЕБАКИНА О. М.
**МОГИЛЬНИКИ МОРДВЫ-ЭРЗИ АРЗАМАССКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ**

Аннотация. В статье дается обзор археологических памятников (могильников) мордвы-эрзи Арзамасского района Нижегородской области III-XIII вв. Состав их вещевого инвентаря и погребальный обрядовый комплекс свидетельствует о социальных изменениях в жизни мордвы этого времени, а также о ее взаимоотношениях с соседними народами.

Ключевые слова: могильники мордвы-эрзи, Арзамасский район, Абрамовский могильник, погребальный обряд, инвентарь, конские захоронения.

KORNISHINA G. A., KULEBAKINA O. M.
**BURIAL GROUNDS OF THE MORDVA-ERZIA OF THE ARZAMAS DISTRICT
OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION: CHARACTERISTICS AND FEATURES**

Abstract. The article provides an overview of the archaeological sites (burial grounds) of the Mordva-Erzia of the Arzamas district of the Nizhny Novgorod region of the 3rd-13th centuries. The composition of their belongings and the funeral ritual complex prove social changes in the life of the Mordovians of this time and show their relations with the neighboring nations.

Keywords: Erzia burial grounds, Arzamas district, Abramovsky burial ground, funeral rite, inventory, horse burials.

Современная территория Нижегородской области являлась в I тыс. н.э. территорией формирования одной из субэтнических групп мордвы – эрзи. Значительное количество археологических памятников эрзи находится на территории Арзамасского района. Они датируются III-XIII вв. и типологически относятся к могильникам и селищам. Типичным местоположением памятников является берег стариц реки Теша. В основном они располагаются на ее низком левом берегу, высота которого достигает 15-20 метров над уровнем поймы, на первых надпойменных террасах в местах впадению в Тешу рек Акша, Иржа и др. Могильники к моменту их обнаружения, к сожалению уже были разграблены, что усложнило исследовательскую работу археологов. Но, тем не менее, выявить особенности погребального обряда и собрать погребальный инвентарь оказалось возможным.

Самым крупным из рассматриваемых нами могильников является памятник **Заречное II** (площадь 10000 кв. м.). Могильник с южной, восточной и северной сторон ограничивается старицей Теша, с северной стороны – поймой р. Акша. Он был обнаружен А. В. Фоминым в 1989 году. В процессе раскопок было вскрыто 3250 кв. м. и выявлено 150 погребений. В это число входит 6 парных захоронений. Все захоронения совершены по обряду ингумации.

Отмечается северо-западная, северная ориентировка погребений. В древности памятник был разграблен: после снятия верхнего слоя почвы удалось проследить следы длинных узких грабительских траншей, расположенных перпендикулярно длинной оси могильных ям. По комплексу погребального инвентаря захоронений можно сделать вывод о социальном расслоении, присущем носителям культуры данного могильника [5, с. 33].

Было вскрыто 8 погребений коней, их хоронили как отдельно, так и вместе с людьми, причем не только с мужчинами, но и с женщинами. В тех случаях, когда в одной могиле совершено захоронение коня и человека или с конем положены мужские вещи, кони были ориентированы, как и люди, головой на север или северо-запад. Подобная особенность погребального обряда коней свойственна всем могильникам мордвы Притешья.

Расположение погребального инвентаря во всех захоронениях устойчивое. В мужских – на поясе ножи, кресала, кремень, парные железные или бронзовые кольца, в ногах – орудия труда, оружие. В богатых мужских погребениях найдены бронзовые поясные бляшки, бронзовые поясные подвески, наконечники стрел, копья, щит, медный котелок. Инвентарь богатых женских захоронений представлен большим количеством украшений: височные кольца, накосники, ожерелья из бус, перстни и браслеты, застежки-сюльгамы [4, с. 92].

На могильнике найдена нательная иконка, имеющая аналогии среди славянских древностей, в частности, г. Ярополча-Залесского. Также в одном из погребений была обнаружена пластина с изображением льва – мотива, характерного для русского декоративно-прикладного искусства. Эти находки говорят о развитии коммуникации между славянами и мордвой в Средние века [4, с. 93].

Могильник **Красное I** находится в полукилометре к востоку-северо-востоку от южной оконечности с. Красное Арзамасского района Нижегородской области. Захоронения располагаются в низкой пойме на останце между двумя старицами р. Теша. Высота останца – 3 м. над уровнем воды в старице. С северной стороны протоки находится селище Красное II. Раскопки двух вершин останца могильника производились в 1985-1987 годах. Памятник был разграблен, большинство погребений разрушены. Нетронутыми остались лишь 3 захоронения людей и несколько конских погребений. По предположению Горюновой погребения XI-XIII веков имели насыпи, что облегчало поиск и разграбление могил. Большинство ям ориентировано в направлении северо-запад – юго-восток [5, с. 160].

На южной вершине вскрыто 440 кв. м. и обнаружено 74 погребения, на северной вершине – 108 кв. м., выявлено 10 погребений. Среди них 18 мужских и 18 женских захоронений рассматриваются как парные. Столь высокий процент парных погребений (37,66 %) является особенностью этого могильника.

А. И. Андрюшина выделяет 4 модели парных погребальных захоронений:

1. мужчина лежит с западной стороны, женщина в менее глубокой яме на правом боку в скорченном положении, с кистями рук у лица, лицом к мужчине (в некоторых погребениях голова мужчины повернута в сторону женщины);

2. Мужчина лежит с восточной стороны. Женщина лежит на левом боку в менее глубокой яме. Позы идентичны позам, соответствующим первой модели.

3. Мужчина и женщина лежат в ямах на одинаковой глубине.

4. Мужчина лежит на женщине. Поверх умершей женщины (головой на северо-запад) лежит мужчина (головой на юго-восток) в уже упомянутых позах. По одному такому погребению было найдено на памятниках Красное I и Заречное II [3, с. 303].

А. Е. Алихов и Р. Ф. Воронина склоняются к наличию обряда насильственного захоронения женщин у мордвы в VIII – XI вв. Позже захоронения женщин стал символизировать дарственный комплекс [2, с. 204]. Подобные парные погребения встречаются и в других могильниках Окского-Сурского междуречья (Сарлейский могильник)

Могильник **Красное III** с востока и запада ограничен старицами Теши. Всего было вскрыто 39 погребений. Археологические раскопки памятника велись В.Н. Мартыновым и Ю.А. Зеленеевым с 1985 года [1].

Могильник **Пятницы VII** располагается в 600 метрах к югу от старицы р. Теша рядом с с. Пятницы Арзамасского района. Преобладающим погребальным обрядом является ингумация. Раскопано 17 погребений, среди которых одно захоронение коня. В могильной яме найден также инвентарь, состоящий из элементов упряжи и ее украшений. Основным типом погребальных сооружений на всех могильниках является простая яма с отвесными стенками и горизонтальным дном, имеющая в плане форму прямоугольника со скругленными углами. Могильники использовались достаточно долго, но исходя из того, что случаи пересечения могил достаточно редки, А.В. Мартынов делает вывод о наличии каких-либо намогильных сооружений [5, с. 196].

Абрамовский могильник – относится к раннему периоду формирования мордвы. Он был исследован в 1970-1976 гг. М.Ф. Жигановым. За это время было вскрыто 272 погребения. Абрамовский могильник является основным источником по изучению Притешской группы памятников древней мордовы IV – VII вв. Однако результаты их исследований до сих пор полностью не опубликованы. Предварительные результаты раскопок освещались М.Ф. Жигановым. В отдельных статьях авторами рассматривалась: керамика, бусы, погребальный обряд, украшения погребального костюма. Кроме того, были опубликованы результаты раскопок отдельных захоронений с наиболее выразительным инвентарем и все погребения с трупосожжением. Дело в том, что трупосожжение является

характерной особенностью погребального обряда именно данного могильника (при типичности обряда ингумации в регионе).

Самые ранние погребения Абрамовского могильника, относящиеся к концу III – началу IV вв., ориентированы на северо-северо-восток, но уже в первой половине IV в. для большинства погребений здесь становится характерной ориентировка на север, иногда с небольшим отклонением к западу, которая сохраняется до конца V в. В конце V – начале IV вв. получают распространение погребения, ориентированные головой на северо-северо-запад, которые к концу VI в. становятся преобладающими. Кроме индивидуальных погребений изредка встречаются парные (около 3%), в которых в одной могильной яме находились два одновременных захоронения, обычно взрослого и ребенка. В ранних слоях Абрамовского могильника, относящихся к первой половине IV в. было зафиксировано погребение коня.

Практически во всех мужских погребениях найдены железные топоры, а также различные предметы вооружения. В 5-ти мужских погребениях Абрамовского могильника имеются мечи, которые обычно располагались слева в области бедер. Вероятно, клинки подвешивались к поясу на специальных ремнях, которые не сохранились. Одними из самых распространенных находок мужских захоронений являются поясные наборы с предметами обихода: ножи, кресала, кремни и т.д. Также часто встречаются поясные пряжки и другие украшения: гривны, браслеты, застежки и т.д. [6. с. 148].

В женских погребениях фиксируются металлические детали одежды, украшения, глиняные сосуды, реже орудия труда и в единичных случаях оружие. Сосуды располагались в головах, обычно по одному экземпляру. К украшениям шеи относятся ожерелья из бус и гривны, к нагрудным украшениям – пластинчатые бляхи [6, с. 147].

Проанализировав археологические памятники мордвы Притешья Арзамасского района можно сделать несколько выводов об особенностях материальной и духовной культуры, присущей представителям эрзи в данном регионе.

В качестве одной из особенностей стоит отметить большое количество парных погребений. Этот тип погребений не получил распространения в других регионах расселения мордвы, тогда как в исследуемом регионе до трети захоронений в одном могильнике могут быть парными. Считается, что не всегда погребенная с мужчиной женщина была его женой. Со временем обряд стал упрощаться: сначала жену заменила рабыня, а позже и вовсе особый комплекс инвентаря.

Следующей особенностью является расположение конских погребений в общих рядах могильника. Здесь встречаются как захоронения коней с людьми, так и отдельные погребения коней. Особенностью конского погребального обряда является их

противоположная ориентировка относительно захоронения людей. Но если коня хоронили вместе с хозяином, то их ориентировка совпадала. Еще одним характерным признаком погребального обряда мордвы Притешья можно назвать совместное захоронение женщин с конями. Вероятнее всего это признак того, что женщинам приходилось совместно с мужчинами участвовать в военных стычках. О том, что они были частыми, указывает и тот факт, что рассматриваемые могильники отличаются большим количеством оружия [5, с.294]. Это связано с постоянной необходимостью обороняться от нападений соседних народов (русских и булгар), которые, боролись за доминирование в данном регионе.

Обобщая результаты исследований мордовских могильников Арзамасского района Нижегородской области, можно отметить определенные особенности их вещевого инвентаря и погребальной обрядности, присущие эрзе Притешья. В настоящее время исследования археологических памятников мордвы, обнаруженных на территории района, продолжается. Это позволит на базе археологических материалов дополнить сведения о региональных различиях жизнедеятельности мордовского этноса, как в материальной, так и духовной сферах, а также проследить его взаимоотношения с соседними народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. И. Могильник Красное III // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров: Межвузовский сборник. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 83–100.
2. Алихова А. Е., Воронина Р. Ф., Циркин А. В. Кельгининский могильник (предварительное сообщение) // Тр. МордНИИЯЛИЭ. Вып. XXVII. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. – С. 185–205.
3. Андрюшина А. И. Погребальный обряд парных захоронений мордвы-эрзи Притешья на рубеже I-II тысячелетий // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Вып. 9: Сборник материалов X Региональной научно-практической конференции (13 декабря 2012 г.). – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 293–305.
4. Мартынов В. Н. Могильник Заречное II // Материалы и исследования по археологии Поволжья: Сборник. – 1998. – № 1. – С. 91–105.
5. Мартынов В. Н. Арзамасская мордва в I – начале II тыс. – Арзамас: АГПИ, 2001. – 322 с.
6. Ставицкий В. В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III – VII вв. // Поволжская археология. – 2013. – № 2. – С. 143–150.

КОШИНА О. В., ПАЛАЕВА А. И.
РАЗВИТИЕ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена развитию Смольного института благородных девиц во второй половине XIX – начале XX века. Авторы анализируют роль педагогов первого женского учебного заведения в его развитии, социальный состав воспитанниц, изменения в программе обучения в изучаемый период.

Ключевые слова: Смольный институт, женское образование, учебное заведение, педагогический класс, воспитанницы, педагоги.

KOSHINA O. V., PALAEVA A. I.
DEVELOPMENT OF THE SMOLNY INSTITUTE OF NOBLE MAIDEN
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the development of the Smolny Institute of Noble Maidens in the second half of the 19th – early 20th centuries. The authors analyze the role of the teachers of the first women's educational institution in its development, the social structure of the students, and changes in the training program during the period under study.

Keywords: Smolny Institute, women's education, educational institution, pedagogical class, students, teachers.

В 2024 году исполняется 260 лет создания Смольного института (первое название – Императорское воспитательное общество) благородных девиц – первого женского учебного заведения в России и первого в Европе государственного учебного заведения для женщин. Тема женского образования актуальна по сей день. 2024 год в России объявлен Президентом Российской Федерации Годом семьи. В этом контексте сложно переоценить роль образованной женщины в создании гармоничной семьи и в развитии детей. Осознанное материнство как важная часть традиционных семейных ценностей связано наряду с другими факторами с хорошим образованием женщины.

Женская эмансипация, начавшаяся во второй половине XIX века, происходила в том числе посредством вовлечения женщин в сферу образования. К этому времени в Российской империи существовало множество способов получения образования женщинами: курсы (Бестужевские, Аларчинские, Владимирские, Высшие женские медицинские в Петербурге; Лубянские в Москве и др.), женские гимназии и прогимназии, женские епархиальные училища, начальные школы и т.д.

Смольный институт оставался одним из лучших учебных заведений для женщин, дававшим не только знания (учебный курс приравнивался к гимназическому), но и навыки ведения домашнего хозяйства, хорошие манеры и воспитание девушки как будущей хозяйки дома, жены и матери. Воспитанниц обучали также светским манерам и придворному этикету, некоторые из них становились фрейлинами двора. Замысел создателей института императрицы Екатерины II и педагога И. И. Бецкого состоял в том, чтобы дать государству «образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества».

Целью статьи стал анализ некоторых сторон жизни Смольного института во второй половине XIX – начале XX века, в период реформ всех уровней образования и начавшейся женской эмансипации. Главным источником для исследования деятельности учебного заведения стали воспоминания выпускниц Смольного института [2; 3].

После смерти супруги императора Александра II Марии Александровны, с 1880 года заботиться о Смольном институте стала супруга Александра III Мария Федоровна. Мария Федоровна – датская принцесса, при рождении – София-Августа-Дагмарा, была доброй и сострадательной. Ее отец, король Дании Христиан IX много времени и сил положил на образование своих детей и просвещение подданных. Он привил Марии правило помогать нуждающемуся и не быть равнодушной к чужому горю. Мария Федоровна принимала большое участие в жизни Смольного института. Она знакомилась с работой всех учебных заведений Ведомства императрицы Марии, в которое Смольный вошел еще в 1796 году [1, с. 308].

Важную роль в деятельности института играли его начальницы. От их педагогического опыта и личностных качеств во многом зависели содержание программ, качество преподавания и атмосфера учебного заведения. В 1872 году начальницей учебного заведения стала Ольга Александровна Томилова, выпускница Смольного института.

Прежняя начальница института Мария Павловна Леонтьева искала себе достойную замену. Выбор ее пал на Ольгу Александровну Томилову, которую М. П. Леонтьева помнила как блестящую выпускницу 1839 года Ольгу Энгельгардт [5]. За плечами Ольги Александровны Томиловой (Энгельгардт) к этому времени был большой педагогический опыт. По окончании института она была фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, а позже – воспитательницей великой княжны Веры Константиновны.

По воспоминаниям учениц института, О. А. Томилова была строгой и требовательной к воспитанницам, но справедливой. Она считала, что лучшие качества девушки – это скромность, хорошие манеры, сдержанность в действиях и тоне, подобающий внешний вид без ярких и вызывающих деталей [1, с. 308]. О. А. Томилова умела находить подход к любым воспитанницам. Она прислушивалась к девочкам и понимала их, была с ними близка.

Воспитанницы души не чаяли в Томиловой, но к сожалению, в 1886 году по состоянию здоровья она попросила Марию Федоровну уволить ее с должности. Императрица с грустью восприняла эту новость, но согласилась [1, с. 309].

Однако не все начальницы института пользовались доверием учениц. По мемуарам А. Лазаревой: «... не говоря о г-же Леонтьевой, поставившей себя в исключительное положение, но и последующие начальницы продолжали держать себя с высокомерною неприступностью и считались в институте какими-то недосягаемыми божествами» [5, с. 178].

Жесткая дисциплина Смольного института вызывала протест некоторых учениц. Таких «бунтовщиц» (их бунт мог заключаться в выбившейся из прически пряди или громком разговоре), называли мовешками (от французского слова mauvaise – «дурной»). Воспитанниц, которые вели себя правильно, держали осанку, были вежливы, называли парфетками (parfaite – «совершенный»).

Качество образования и характер воспитания в Смольном, без сомнения, зависели прежде всего от педагогов. На должность учителя в Смольный было попасть непросто. Женщина – претендентка на должность учительницы – должна была быть незамужней, несмотря на то, что во второй половине XIX века статус женщины определялся прежде всего замужеством, а незамужняя дама осуждалась обществом. По воспоминаниям учениц, учительницы часто были строгого нрава, некоторые из них могли жестоко относиться к воспитанницам.

Мужчин на должность учителя в Смольный институт принимали редко. Для этого мужчина должен был быть женатым или пожилым и предпочтительнее с какими-либо внешними изъянами или несовершенствами, чтобы ученицы избежали соблазна обожания педагога. Эти обстоятельства не мешали институткам восхищаться преподавателями, создавать из них объект для обожания.

Начальство в свою очередь могло оказывать моральное давление на учителей. Об этом говорят записки одной из классных дам: «...Нужда и горе приучили переносить унижения... большую частью смиренно стою пред начальством и жду, когда отпустят или пригласят сесть» [2, с. 356].

Важно выяснить, каков был социальный состав учениц Смольного института. Основную массу воспитанниц составляли девушки дворянского происхождения. В 1865 году открылось мещанскоe отделение. Отношения между дворянками и мещанками были напряженными. Дворянки нередко позволяли себе дразнить мещанок. Принимались также дети офицеров (не ниже полковника), духовенства, чиновников (не ниже действительного статского советника), учителей, купцов, придворных служителей и ремесленников [6, с.111].

Крестьянские дочери практически не попадали в Смольный институт. Часть учениц обучалась за годовую плату, остальные – за казенный счет.

Во второй половине XIX века Смольный институт постигли изменения в учебном процессе в соответствии с тенденциями эпохи реформ образования. Недолгое время (с 1859 по 1862 гг.) инспектором классов института был К. Д. Ушинский. Он предложил начальнице института М. П. Леонтьевой проект преобразований: введение семилетнего учебного плана; увеличение часов на русский язык, географию, историю и естествознание; уравнивание учебных планов в отделениях дворянок и мещанок; разрешение встреч воспитанниц с родителями на праздниках и каникулах; запрет на прочтение личной переписки учениц классными дамами.

Ушинский обновил состав преподавателей, пригласил из других учебных заведений лучших педагогов: М. И. Косинского, Л. Н. Модзалевского, О. Ф. Миллера, М. И. Семевского, В. И. Водовозова и др. Был открыт дополнительный педагогический класс и воскресная школа для горничных с целью получения педагогических навыков ученицами педагогического класса.

Хотя проект реформирования был утвержден высочайшей волей, консервативная часть педагогов обвинила Ушинского в атеизме и политической неблагонадежности, и он по воле принца Ольденбургского, заведовавшего в этот период институтом, был отправлен в длительную научную командировку в Европу. После ухода Ушинского из института его преобразования приостановились. Начальница закрыла воскресную школу и вернула правила вмешательства в переписку учениц [4, с. 49–50].

В 1890-е годы программы института были признаны устаревшими, их решено было пересмотреть. Предполагалось сократить количество предметов, но изучать их более углубленно. В 1890 году Совет Воспитательного общества сообщил, что «предметов так много, что воспитанницы не успевают основательно готовиться к ним, отчего идет плохое усвоение образовательной программы» [3, с. 480]. Институткам не хватало времени на самостоятельные занятия: чтение книг, занятия музыкой и танцами.

Общекультурное развитие учениц, их кругозор всегда были приоритетом образования и воспитания в Смольном. В 1897 году было решено задавать на дом на выходные лишь те уроки и только по тем предметам, на которые в классе было отведено менее двух часов в неделю. Это было сделано для того, чтобы у воспитанниц оставалось больше времени для чтения и саморазвития [1, с. 321]. Внеклассным чтением воспитанниц были обеспокоены и Совет, и учебные конференции. В 1905 году был учрежден список книг, которыми необходимо было пополнить библиотеки Смольного института [1, с. 322].

В этом же году императрицей Марией Федоровной была введена новая программа. Уроки пения, музыки и танцев теперь преподавались наряду с другими предметами, а не в свободное время. Русский язык и география стали преподаваться более углубленно [1, с. 317]. Появились занятия по естествоведению. Воспитанницам предлагалось самостоятельно разводить цветы, и вскоре учебные классы наполнились выращенными воспитанницами цветами. В 1907 году с целью повышения уровня владения иностранными языками были введены дополнительные занятия по обучению иностранным языкам за небольшую плату [1, с. 322].

Реформа, целью которой, с одной стороны, было облегчить учебную нагрузку на институток, с другой – расширить их кругозор и общекультурный уровень, дала неоднозначный результат. Для многих учениц новые учебные планы оказались сложными. Время, отведенное на изучение предметов, оказалось несоизмеримо со временем, необходимым для их освоения. Неизбежно сократилось время, отведенное на физическую активность «смолянок».

Это обстоятельство повлияло на общее состояние воспитанниц, привело к их быстрой утомляемости, нервозности и низкой работоспособности. Мария Федоровна, узнав об этом, решила предпринять меры по организации более равномерного расписания для воспитанниц, где умственное и физическое воспитание было бы сбалансировано. Для обсуждения проблемы собралась комиссия преподавателей, были проведены конференции в советах. В ходе обсуждения было установлено, что необходимо более равномерно и целесообразно распределять учебный материал между годами обучения, добавить больше физической активности в жизнь институток.

Для поддержания физического здоровья воспитанниц принято было ввести обязательные занятия физической культурой по часу ежедневно, а также проведение игр на свежем воздухе после обеда. Физическая подготовка включала в себя разнообразные упражнения с палками, брусьями и кольцами, прыжки. Игры на воздухе включали игру в хоккей, катание на коньках, лыжах, катание с горы, общественно полезный труд, например, уборку снега зимой. Летом это были пятнашки, горелки, крокет, игры в мяч, лапта и лаунтеннис [1, с. 320].

Осень 1911 года в Смольном институте была встречена обязательной ежедневной гимнастикой в течении 20 минут, вне зависимости от класса обучения. Для проведения такого рода занятия была приглашена учительница из Швеции. Позже в 6 и 7 классах была введена ритмическая гимнастика, что благотворно повлияло на возможность воспитанниц справляться с задачами, где требовался музыкальный слух и чувство ритма [1, с. 321].

Были редкие случаи исключения не справившихся с образовательной программой учениц из Смольного и более частые случаи – перевода в другое учебное заведение, например, в Николаевское женское профессиональное училище [1, с. 322].

Одной из самых распространенных сфер применения знаний, полученных в Смольном институте, была педагогическая деятельность. Еще в 1848 году был открыт двухгодичный педагогический класс, а мещанское отделение было преобразовано в Санкт-Петербургское Александровское училище (с 1891 года – Александровский институт). Девушки могли работать в учебных заведениях разного уровня, получить место гувернантки, воспитательницы.

5 июня 1890 года пепиньерский курс Смольного (дополнительные педагогические классы для девушек, окончивших средние закрытые учебные заведения) был преобразован в двухгодичные педагогические классы. В программу курса были внесены изменения. Постановлено было преподавать русский язык и литературу, французский язык и литературу, немецкий язык и литературу, математику, географию, педагогику, Закон Божий, музыку и рисование. В начале XX века в программы педагогических классов должны вошли: педагогика, история русской и всеобщей литературы, законоведение, история искусств, анатомия с физиологией и гигиена, Закон Божий и углубленное изучение французского [6].

Было принято решение открыть подготовительные годичные курсы к педагогическим классам. Одногодичные курсы включали в себя: словесность, математику и педагогику. Педагогические классы должны были давать не только общее законченное образование, но и практические навыки, например, специализацию по французскому языку [1, с. 318].

Проект реформы был одобрен в мае 1911 года Марией Федоровной и рассмотрен Опекунским советом (состоял из председателя, четырёх почётных опекунов, председателя сметной комиссии и товарища главноуправляющего). Преобразования вводились пробно сроком на три года. Осенью 1911 года были изменены программы педагогических курсов и открыт педагогический класс. В нем сохранились прежнее количество часов на изучение искусства, изучение русской истории, увеличено количество часов на русскую литературу [1, с. 320].

Стереотипное представление в массовом общественном сознании о выпускницах Смольного института сложилось как о белоручках, кисейных барышнях, инфантильных, впечатлительных и наивных. Слово «институтка» с начала XX века стало синонимом экзальтированности, слабости и ограниченности. Действительно закрытый характер учебного заведения и строгая дисциплина способствовали некоторой оторванности воспитанниц от жизни вне института.

Однако история развития Смольного института показывает его важную роль в системе женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века. Образовательная программа Смольного была сопоставима с гимназической. Одной из сфер применения институтского образования и воспитания стала педагогическая деятельность «смолянок», что было очень важно в условиях, когда система образования в России в изучаемый период остро нуждалась в педагогических кадрах.

Помимо передачи знаний и воспитания в духе светской этики, институт способствовал формированию широкого культурного кругозора и духовно-нравственных ценностей учениц. Образовательная и воспитательная программа Смольного института имела целью формирование всесторонне развитой личности женщины, что важно было для ее эмансипации, социальной реализации и для создания гармоничной семьи и развития будущих детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметшин Ш. К. Ум. Честь. Красота: Смольный институт благородных девиц. Смолянки тюрко-татарского происхождения. – СПб.: Славия, 2008. – 599 с.
2. Быкова В. П. Записки старой смолянки. Ч. I. 1833–1878 гг. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. – 458 с.
3. Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. – М: Художественная литература, 1964. – 581 с.
4. Гаврилова Т. Н., Паладьев С. Л. Воспитательная система Смольного института благородных девиц // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 2 (119). – С. 45–52.
5. Мордвинова З. Е. Статс-дама М. П. Леонтьева. – СПб., 1902. – 276 с.
6. Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764–1914. Т. 1. – Петроград: Гос. тип., 1914. – 620 с.

ШЕГУЛОВА М. А., МАРИСКИН О. И.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ТОРГОВО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ

Аннотация. В работе проанализировано становление торгово-дипломатических русско-английских отношений, установлены их предпосылки. Рассмотрена роль Московской компании в становлении торговли и дипломатии между Россией и Англией, раскрыты личности, сыгравшие ключевые роли в этом процессе.

Ключевые слова. Московская компания, Ричард Ченслер, торговые отношения, Северный морской путь, пенька, олово, Елизавета I, Иван Грозный.

SHEGULOVA M. A., MARISKIN O. I.

**FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF RUSSIAN-ENGLISH TRADE
AND DIPLOMATIC RELATIONS: MOSCOVY COMPANY**

Abstract. The paper analyzes the formation of trade and diplomatic Russian-English relations, and studies their prerequisites. The role of the Moscow company in the development of trade and diplomacy between Russia and England is reviewed, and the personalities who played key roles in this process are revealed.

Keywords. The Muscovy Company, Richard Chancellor, trade relations, the Northern Sea Route, rope hemp, pewter, Elizabeth I, Ivan the Terrible.

В 1555 году в Лондоне была учреждена Московская торговая компания, через год уже в Москве на Варварке открывается Английский торговый дом, а еще через год английские купцы получают право беспошлинной торговли в России, а русские соответственно в Англии. Именно в этот период русский царь Иван Васильевич, позже названный Грозным, состоит в активной переписке с английской королевой Елизаветой I.

Сначала следует рассмотреть европейский исторический контекст, так как мы знаем, что инициатива начала взаимоотношений Русского царства и Английского королевства исходила от английских купцов, зашедших с севера в составе трех кораблей на Москвию. Именно из-за этого необходимо раскрыть мотив того, для чего такая дорогостоящая экспедиция была в принципе снаряжена, так как по тем временам снарядить три корабля были довольно большой суммой.

Вышло три корабля «Эдуард Благое предприятие», «Доброе доверие» и «Добрая надежда» вышли в направлении на восток, то есть вовсе не имели в виду путешествие в Москвию [4, с. 13]. Они конечно знали, где она локализована по картам, но вообще никто

не представлял себе очертаний Азиатского материка и его размеров подлинных. И целью экспедиции было открытие своего собственного, нового и неизведанного пути в восточные страны, в Китай и Индию, которые были необычайно богаты в представлении людей того времени. Таким образом, вся данная экспедиция была задумана как часть общеевропейских поисков северо-восточного пути в Индию, потому что мы имеем дело с эпохой Великих географических открытий. Ведущие державы того времени Португалия и Испания нашли свои пути на восток и доминировали на них, а оставшиеся страны, имевшие выходы в Атлантику, то есть Франция, Англия и Голландия продолжали грезить о своем пути и искали его на западном и восточном направлении.

И те, кто организовали экспедицию, были членами компании, учрежденной в 1551 году, и имевшей название «Купцы-авантюристы», целью, которой было открыть земли, народы, острова и страны неизведанные и не посещаемые на тот момент морским путем, но естественно, что главной целью была Индия с ее богатствами и, конечно, Китай. Руководители экспедиции были даже вооружены грамотой к «Великому Китайскому хану» от Эдуарда VI – молодого английского короля [4, с. 14]. Руководили экспедицией сэр Хью Уиллоби и кормчий Ричард Ченслер, продвигаясь в северо-восточном направлении, они надеялись, что в одну навигацию смогут преодолеть путь, но надежды были напрасны. Уже когда корабли огибали Скандинавию, стало холодно и два корабля достигли Кольского полуострова и там застряли во льдах, команды погибли вместе с одним из руководителей экспедиции сэром Уиллоби. Третьему кораблю повезло, и он оказался в устье Северной Двины, в Белом море недалеко от Николо-Корельского монастыря и морякам удалось высадиться на берег, где они встретили поморов, которые спасли их. В итоге поморы решили отправить этих гостей из «самобритийского королевства» ко двору Ивана IV, на тот момент еще не приобретшего еще прозвище Грозного. На пути от Холмогор до Москвы англичане увидели оживленную торговлю, множество городов, много людей, процветающие рынки и так поняли, что Московия может быть привлекательно с торговой точки зрения. И когда англичане оказались при дворе Ченслер приписал себе роль официального посла именно в Московию, Иван IV принял его с большими почестями и интересом.

Англичане оказались в России в очень интересный и важный период ее истории, когда она уже совершенно определенно возникает на границах Восточной Европы как новая мощная и централизованная держава, как государство, претендующее на определенную миссию, после падения Византии это крупнейшая православная держава. Иван IV не случайно коронуется в 1547 году царским венцом, принимает титул царя или кесаря, то есть он осознает уже значимость этой власти и нового его статуса, и, следовательно, ему становится очень выгодно, чтобы зарубежные дипломаты признали этот статус. Иван IV

принимает англичан с почетом, ведет с Ченслером переговоры о разрешении торговли для англичан в Московии.

И очень скоро, отправив посольство в Англию вместе с Ченслером, который так и не доберется до Англии и погибнет при кораблекрушении, спасая русского посла Осипа Непею, Русское царство и Англия завязывают отношения [1, с. 3]. Так начинается история торгово-дипломатических отношений, которые делятся с 1553 года. А одним из важнейших факторов этих стабильных торговых отношений становится учреждение Московской торговой компании, которая берет на себя ведение не только коммерческих, но и дипломатических отношений между странами.

Логично задастся вопросом о том, что же везли на кораблях в столь непредсказуемое путешествие, ведь плавание английских купцов-авантюристов в Москвию было очень опасным предприятием? Как не странно, но везли с собой в большинстве своем припасы и теплую одежду, которой были обеспечены сполна. Экспедиция действительно рассчитывала пройти через всю Арктику до практически не исследованного Тихого океана, и в связи с этим загадка гибели двух кораблей остается неразгаданной до сих пор.

Среди обломков кораблей кольские карелы нашли 64 тела, а сами корабли русские власти опечатали и с нетронутыми припасами были переданы британским представителям. В одной из следующих экспедиций эти же корабли были снажены новыми составами экипажей, отправлены на Родину и теперь они гибнут во время шторма, унося на тот свет еще и второй состав экипажа. Что интересно, то, что тела не были погребены, а находились непосредственно на корабле. Есть ощущение, что экипаж не успевал, либо не мог хоронить друг друга, а причина до сих пор остается необъяснимой [5, с. 15–16].

Но судя, по записи в бортовом журнале сам Уиллоби, который вел подробные записи и проводил всевозможные метеорологические наблюдения, до самого последнего момента сохранял способность и вести журнал, и видимо влиял на судьбу оставшихся членов экипажа. Так появляется предположение о том, что Уиллоби сумел дождаться появления солнца и конца полярной ночи.

По итогу английской экспедиции Ченслера и Уиллоби устанавливается регулярное сообщение. Особенно интересны первые 10 лет плаваний английских «авантюристов» в Москвию. Каждый год англичане теряют корабли, людей, но сам факт существования Московской, или как ее с Петровского времени называют, Русской компании и регулярных отношений между Россией и Англией является неким поворотным моментом в судьбе обеих стран.

А что самое интересное компания была организована очень необычно – первое акционерное общество в истории британского бизнеса! Справиться с таким объемом

денежной массы не мог ни один даже самый богатый английский купец. И в принципе, создание Московской компании позволило англичанам научиться регулярным контактам с отдаленными странами, ведь это был один из первых опытов подобного рода отношений, а также выучиться мореплаванию и приобрести навыки необходимые в последующей экономической экспансии за пределы Европы, особенно в Северных морях.

Но и для России в открытии Московской компании были плюсы, поскольку в тот момент еще оставалось практически 150 лет до создания петровского флота и англичане оказались пионерами в освоении Северо-Восточного прохода, как они его называли, или Северного морского пути.

Фактически это был первый свободный путь, связывающий напрямую Западную Европу и Русские земли, так как, не имея выходов к морю кроме Белого моря на севере, русские получили доступ к технологиям, товарам и новым знаниям напрямую из Западной Европы. В то время как пограничные территории часто становились театрами военных действий, и ближайшие соседи редко пускали мастеров, информацию и товары через свою границу на территорию Московской Руси.

Сразу же возникает вопрос: настолько ли серьезной была блокада со стороны Испании и Португалии, что англичане сознательно шли на жертвы и концентрировали усилия, в том числе инициативных людей, антрепренеров, на северном направлении? Стоит заметить, что на северном направлении блокады не было, ведь у испанцев доставало сил для этого. Однако блокада в Атлантике на уровне Карибских островов была довольно эффективна, и именно с этого начинается история английского пиратства и морской экспансии. Англичане начинают сначала торговать в испанских колониях в Америке, потом испанские монархи запрещают эту деятельность и начинают преследовать английских торговцев как контрабандистов, которых часто вешают, так как они – протестанты, то есть с точки зрения испанцев – еретики. Доступ английским и голландским торговцам в испанские колонии в Америке закрывается.

Из-за чего эти страны начинают искать в Северной Атлантике торговые пути, как в западном направлении, так и в восточном. В это же время и англичане, и голландцы пытаются пробиться через льды около Гренландии и ищут проход. Так идея «прохода» (вокруг Азиатского или Американского континентов, чтобы найти собственный путь в Индию и получить гигантскую прибыль, которую обещала торговля пряностями, фарфором, шелком и прочим) становится некой идеей фикс того времени.

Здесь же забегая вперед можно отметить, что некоторыми «драгоценными камнями», вывозимыми из России в тот период были пушнина и пенька. Из последней были сделаны канаты для знаменитого английского флота позднего периода.

Именно в те годы было заложено доверие к русскому сырью, а у русских же доверие к английскому сукну как главному предмету экспорта. Тут интересно заметить, что среди ввозимого в Россию английского сукна всех цветов радуги, преобладало сукно лазоревого цвета, что не вполне соответствует нашим представлениям о цветовых предпочтениях наших предков. Но при этом лазоревое сукно довольно быстро выгорает, так как это свойственно лазоревой краске, и в связи с этим можно предположить из-за чего был такой спрос.

Также Англия в Россию ввозила сахар и цветные металлы. Даже еще римские авторы называли Англию «оловянными островами». Причем любопытно, что в Англии производство оловянной готовой посуды достигло такого размаха, что русские закупали олово в виде тарелок, так называемое «блюдное олово». В качестве слитков использовали стопки готовых тарелок, которые в России переплавлялись во что угодно [4, с. 79]. Свидетельства этой торговли можно найти даже в декоре старейших деревянных домов на Русском Севере. Классическую тюдоровскую розу можно найти в орнаментике наличников некоторых русских северных изб, так как посуда на столах зажиточных поморов была английской и часто украшалась подобным рисунком.

С другой стороны англичане присыпали и материалы необходимые для изготовления оружия и боеприпасов: селитру, порох и прочее [9, с. 61–62]. Все то, что требовалось в огромных количествах набирающему силу Московскому государству. В связи с чем, Иван Грозный не столько внимания уделял предметам торга с англичанами, сколько знаниям, которые он может от них получить.

Если же рассматривать складывание отношений России и Англии XVI веке, то можно смело заявить, что в допетровскую эпоху для России факт отношений с Англией являлся действительно окном в Европу [9, с. 105]!

Купцы Московской компании, которые обосновались в 1556 году на так называемом «Английском дворе» в Москве, в этом здании располагался главный офис Московской компании в России. В скором времени во многих крупных городах, особенно на дороге от Холмогор до Москвы (Ярославль, Вологда и другие), появились подобные подворья. Позднее в Москве появиться еще и Новый Английский двор, и тогда этот старейший получил устойчивое название Старый Английский двор.

Именно его в 1994 году посещала английская королева Елизавета II, этот момент был открытием музея в здании Старого Английского двора (музей «Английское подворье»), а также первым и единственным визитом Елизаветы II в Россию. На этот двор привозились не только товары, но и приезжали мастера-специалисты в различных областях ремесла.

Если говорить о товарах, вывозимых из России, то традиционно Государев Двор и Царская Казна предлагали сырье в обмен на товары британского производства. Однако

англичане довольно быстро сориентировались и поняли что русская пенька – прекрасный материал для изготовления канатов, но на британском королевском флоте уже тогда существовали высокие стандарты качества канатов, от которых зависела «живучесть» корабля. Поэтому британцы, привезя мастеров канатного дела в Россию из Англии, основали в России небольшие английские фабрики по производству канатов для королевского флота. [4, с. 18] Довольно забавные отзывы давали потом англичане, отмечая роль этих канатов в истории родного королевства. Купцы Московской компании после победы англичан над Непобедимой армадой в 1588 году напоминали Елизавете I, что «не только благоволение небес, не только талант английских адмиралов, но в первую очередь – лучшие в Европе канаты» – причины победы Англии над Непобедимой армадой.

В связи с чем, важно понимать, что как бы сейчас не воспринимали Англию и Россию как соперников в политическом плане, то изначально обе страны – особо привилегированные партнеры друг для друга, и что особо важно – взаимовыгодные [7, с. 70].

Если рассматривать зарождение русско-английских отношений, то Иван IV Грозный изначально рассматривал их весьма pragmatically. Даже в переписке русского царя с Елизаветой I речь заходила даже о династическом браке. Он был необычайно выгоден для Ивана Грозного, так как в 1550-е годы он стремился заполучить сильного северного союзника, ведь Россия вела постоянные войны за наследие Ливонского ордена с Литвой, Польшей и Швецией. Причем как не странно англичане в тот период тоже попадают в некую изоляцию, из-за чего союз становится выгодным для обеих стран. Однако Елизавета I не собиралась ввязываться в войны на Балтике.

Елизавета I уклоняется от предложения о династическом браке с Иваном Грозным и делает свое безбрачие отлично играющей политической картой. Так английской королеве было выгоднее сохранять иллюзию того, что она может вступить в брак с кем-то из католических государей, что обеспечивало возможность маневра на политической арене. Однако переговоры о возможности брака свернуты не были, начали рассматривать кого-то из королевского рода. Русское посольство даже всерьез рассматривало кандидатуру Марии Гастингс, но это тоже ничем не закончилось [8, с. 267].

Возникает вопрос: почему в последнее время в литературе возникает множество спекуляций на тему возможного брака Елизаветы I и Ивана Грозного? Ведь на тот момент данное предложение было абсолютно нормальным и в некотором смысле обыденным. Можно предположить, что сейчас происходит некая утрата чувства историчности и ощущения эпохи, из-за чего и случаются подобные феномены.

С точки зрения англичан, прибывших в Россию во время правления молодого царя Ивана IV, она выглядела мощной и сильной державой и оказала на английских послов большое впечатление. В институционном плане, в развитии царского двора как института и Посольского приказа как специального института, который занимается дипломатией, Россия опережала Англию. К примеру, тот же Посольский приказ в России возник в 1549 году, а в Англии это случилось в начале XVII века.

Москва в воспоминаниях англичан выглядит крупным, довольно хаотичным городом, может быть не очень впечатляющим, так как она на тот момент деревянная, но цитадель – Кремль – итальянская крепость, построенная по законам ренессанса фортификационного искусства, производит неизгладимое впечатление. Английские послы совершенно ошеломлены придворным церемониалом. К. Адамс, работавший над отчетом по английскому посольству в Россию, писал: «наши люди были в состоянии ошеломления и оцепенения» [2, с. 59]. Также Р. Ченслер писал, что когда он наблюдал парадный полувоенный выезд царя, он мог сравнить его с выездами французских королей, и русский даже затмевал французский. [5, с. 18]. То есть с точки зрения придворной элитарной культуры, церемониала русский двор был очень впечатляющим.

Первые эксперименты в области мореплаванья со стороны англичан, не уравновешивались подобными экспериментами со стороны русских. Наследие средневековой мореходной традиции на Белом море была потеряна. Великолепные мореходы поморы – наследники новгородцев, к сожалению, не могли представить миру корабли для океанских плаваний. Англичане оказались в уникальном положении, они потребовали для себя монопольную торговлю с Россиейенным путем как его первооткрыватели, а также рассчитывали, что другие державы не будут им пользоваться, что довольно наивно. Голландцы – старейшие соперники англичан мечтали об освоении этого пути и очень скоро смогли потеснить Англию на этом поприще [6, с. 4].

Из-за чего постепенно русско-английские отношения начнут охладевать. Монопольная Московская компания, которая не позволяла другим англичанам, не входящим в компанию, торговать с Россией, постепенно начнет угасать как бизнес уже с первые минуты его существования. Англия станет той самой первооткрывательницей русского рынка для мира, но к XVII веку потеряет свое монопольное положение в России, уступив голландцам, немцам и другим.

В заключение можно сказать о том, что именно экономические выгоды русско-английских отношений неоднократно способствовали предотвращению военных конфликтов

между двумя странами. Несомненно, и то, что данный фактор предопределил и дальнейшие традиции российско-британских торговых и дипломатических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kiselev A. A. The visit of Envoy Osip Nepeya to England (1556–1557): success or failure of Russian diplomacy? // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2021. – № 4. – С. 137–147.
2. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. – Ленинград: Полиграфкнига, 1937. – 306 с.
3. Горсей Дж. Записки о России XVI – начало XVII в. / под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьянова. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 288 с.
4. Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. – СПб.: Н. Тиблен, 1862. – 299 с.
5. Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. – СПб.: Алетейя, 2011. – 272 с.
6. Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией // Журнал Министерства народного просвещения. – Петроград, 1916. – № 66. – С. 1–32.
7. Михеев Д. В. Торговые маршруты северо-запада Русского государства в английских источниках XVI–XVII вв. // Метаморфозы истории. – 2021. – № 22. – С. 68–80.
8. Нечаев С. Ю. Иван Грозный. Жены и наложницы «Синей Бороды». – М.: ACT, 2010. – 318 с.
9. Таймасова Л. Ю. Тайны Ливонской войны: герцог Магнус Голштинский, Московская компания и английская контрабанда через русское «оконце в Европу» // Новый исторический вестник. – 2012. – № 4(34). – С. 58–112.
10. Юстен П. Посольство в Московию 1569–1972 гг. / сост. Г. М. Коваленко; [пер. с фин. Л. Э. Николаева]. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр, 2000. – 223 с.

ОСЕЕВА А. В., ПЕРШИНА Т. А.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Аннотация. В статье представлен анализ эффективности градостроительства на территории Сибири в исторической ретроспективе. Категория «эффективность» в данном случае отображает соответствие затрат и результатов инновационного проекта интересам и целям государства и населения. Предложенные проекты градостроительства, несомненно, должны решить вопрос дисбаланса плотности населения между востоком и западом, сформировать условия для реализации геополитических интересов и безопасности, а также дать толчок интенсивному экономическому развитию страны. Несмотря на заявленные оптимистичные прогнозы реализации подобных проектов, представлены основания для серьезных опасений в их осуществлении в ближайшее время.

Ключевые слова: градостроительство, «Шойгуград», «Электроград», Сибирь, «западный дрейф», дисбаланс, агломерация.

OSEEVA A. V., PERSHINA T. A.

THE EFFECTIVENESS OF URBAN DEVELOPMENT IN SIBERIA:

HISTORY AND MODER TIMES

Abstract. The article presents an analysis of the effectiveness of urban planning in Siberia in historical retrospect. The «efficiency» category in this case reflects the correspondence of the costs and results of an innovative project to the interests and goals of the state and population. The proposed urban development projects should undoubtedly resolve the issue of population density imbalance between the east and west of the country, create conditions for the realization of geopolitical interests and security of the country, give impetus to intensive economic development. Despite the stated optimistic forecasts for the implementation of such projects, there are grounds for serious concerns about their implementation in the near future.

Keywords: urban planning, «Shoigugrad», «Electrograd», Siberia, «western drift», imbalance, agglomeration.

Интенсивное освоение Сибири волновало умы общественности и правительства с момента включения этой богатейшей природными ресурсами территории в состав Российского государства. В советский период реализовывались самые масштабные проекты, превратившие Сибирь в развитый промышленный центр страны со значительным городским населением. Однако политический кризис СССР и последующие всесторонние проблемы государства прервали данный процесс. На современном этапе идея о необходимости

строительства новых городов была озвучена одним из влиятельных современных российских политиков С. К. Шойгу, продемонстрировавшим успешное использование армейских организаций в реализации гражданских проектов. На встрече с научной общественностью СО РАН, он заявил «...о назревшей необходимости строительства в Сибири трех-пяти научно-промышленных центров с населением от 300 тыс. до 1 млн человек. Именно научно-промышленных и экономических центров...» [11]. Эта идея, связанная с очередной попыткой придания нового импульса технологическому развитию страны, была поддержана руководством страны с обещанием обязательно найти источники финансирования. Исходя из вышесказанного, главной проблемой данной работы является оценка эффективности идеи строительства новых городов в Сибири на основе рассмотрения различных точек зрения по данному вопросу.

Анализ научной литературы [13] позволил определить эффективность в качестве категории, отображающей соответствие затрат и результатов инновационного проекта интересам и целям участников, здесь могут также учитываться интересы государства и населения [2; 3]. Действительно, насколько данная однозначно дорогостоящая идея будет соответствовать интересам государства и населения?

Во-первых, строительство новых городов в Сибири может решить проблему дисбаланса в экономическом развитии запада и востока РФ, массового оттока населения с востока на запад внутри страны (т.н. «западный дрейф» или отток населения из СФО в другие регионы России, по мнению ведущего научного сотрудника ИНСАП РАНХиГС, к.г.н. Никиты Мкртчяна, за последние 30 лет только нарастает, а за 2011–2019 годы он составил 37 тыс. человек в среднем за год [1]). По словам С. К. Шойгу «...Они как раз должны будут стать новыми полюсами притяжения как для населения всей России, так и для наших многочисленных соотечественников в странах СНГ и дальнем зарубежье...» [11].

Во-вторых, реалии настоящей геополитической ситуации и международных экономических процессов диктуют необходимость создавать экономически развитые центры поближе к мировой экономической активности – Азиатско-Тихоокеанскому региону. Как известно, Сибирь – большая часть азиатской территории России, имеет общую границу с мировым экономическим центром региона – Китаем.

В-третьих, Сибирь – неотъемлемый путь к освоению Арктики и Дальнего Востока, связанный с обеспечением национальной безопасности страны. Действительно, через Сибирь проходят ключевые транспортные пути страны: от Транссиба до транссибирских авиамаршрутов. Сибирь является ключевым связующим регионом между Арктикой, Дальним Востоком, Центральной Азией и европейской частью России. Поэтому их развитие

по действующим программам невозможно без развития Сибири [5; 12]. Получается, что, если не мы, то кто-то другой может заняться экономическим освоением данного региона.

По словам С. К. Шойгу «...необходимыми условиями запуска успешных экономических проектов является достаточное наличие следующих факторов: природных ресурсов, энергии, технологий, людей и финансовых ресурсов. В Сибири сегодня в достатке ресурсов и энергии. Для начала достаточно людей...» [11].

Судя по имеющимся данным, необходимо согласиться с тем, что Сибирь располагает необходимыми природными, энергетическими, технологическими и людскими ресурсами [9]. Тем более, что города-агломерации¹ планируется построить не в глухой тайге, а вблизи с имеющимися промышленными, научными центрами и источниками сырья, призванными оживить экономику региона и страны [11]. По данным проведенных соцопросов, в новые города Сибири готовы будут переселиться около половины жителей страны, однако вызывает сомнение репрезентативность выборки этих данных [6]. По мнению ученых СО РАН, изучавших программы и практику хозяйственного освоения Сибири СССР в 1920-80-е гг., успех многих советских строек там кроется в особой мобилизационной модели экономики, обладавшей мощными общественными, идеологическими, властными и военными ресурсами [4]. В современных реалиях сложно кого-то заставить покинуть насиженные места и имеющееся место работы и переселиться в довольно агрессивные условия Сибири. Поэтому ожидать массового притока трудовых мигрантов не придется, что потребует долговременных значительных финансовых вливаний на поддержку привлекательности региона, которые уже показали свою эффективность. К примеру, в моей семье бабушка в 1970-е г. бросила всю собственность и работу в родном селе и уехала в г. Сургут на постоянное место жительства из-за высокой зарплаты, жилья и других льгот, которые предоставляло советское государство. За ней потянулись и её дети. При этом, она не хочет возвращаться обратно.

Однако, многомиллиардные затраты могут быть напрасными. По мнению многих исследователей, изначально советское строительство городов и промышленных предприятий в Сибири было не рентабельным, что не давало возможности решать социальные проблемы по обеспечению жильем, строительством соцобъектов и т.д. В результате отмечалась большая текучесть и не приживаемость кадров, плохие условия жизни и труда. Экономический кризис 1990-х добавил проблем с градообразующими предприятиями. И все это досталось в наследство современной России. Многие моногорода Сибири в настоящее время превратились в заброшенные города-призраки или вошли в зону т.н. «Сибирского

¹ Агломерация – это объединение близко расположенных (или даже примыкающих) населенных пунктов.

проклятья» [14]. Не случайно в Сибири стали создавать вахтовые города на месте добычи полезных ископаемых без постоянного населения (Ямбург, Сабетта и т.д.). Кроме того, противники строительства новых городов в Сибири указывают на первостепенную необходимость решения проблем существующих городов и промышленных предприятий, составляющих ныне значительную часть «депрессивного региона». Именно эти города в первую очередь пострадают от реализации данной идеи, а их населению, соблазнившемуся временным эффектом «долгого рубля» нового проекта, возможно придется стать заложниками интересов узкого круга бизнесменов-участников проекта [7]. В качестве аргументов приводят уже неудачный опыт создания агломераций в Европейской части РФ (Сколково, Иннополис) [8], которые не решили социальных проблем мегаполисов, а только подогрели социальные диспропорции в развитии регионов (дорогое жилье, отсутствие инфраструктуры и т.п.).

Значительный урон уникальной природе края уже сейчас наносят промышленные предприятия. То и дело там случаются аварии, наносящие вред экологии (Разлив нефтепродуктов в Норильске 29 мая 2020 года и т.д.). При этом, существующие города-миллионники в Сибири постоянно находятся в условиях неблагополучной экологической ситуации, так как располагаются вблизи промзон, отравляющих воздух, землю и воду. Ежегодно увеличивающиеся городские свалки твердого мусора. Единственной надеждой на предотвращение подобного развития сценария при строительстве новых сибирских городов у авторов проекта на современные оснащенные т.с. «по последнему слову техники и безопасности» [11]. Но это только надежды. Как показывает практика, владельцам промышленных предприятий в погоне за прибылью не выгодно тратиться на повышение безопасности своего производства для окружающей среды [10]. Многомиллионные штрафы, которым им приходится платить за выявленный ущерб окружающей среде это лишь капля в море прибыли. А сколько еще не установленных «скрытых» ущербов? Поэтому настоящие экологические проблемы могут удвоиться со строительством новых городов, что непосредственно отразится на населении.

Таким образом, строительство в Сибири новых городов решит важные внутриэкономические и внешнеполитические задачи. Однако долгосрочность и высокая стоимость идеи создает массу весомых рисков в её реализации: привлечение населения, рентабельность, экологичность, что есть неотъемлемая составляющая эффективности. Поэтому, такие скоропалительные решения о начале реализации данной идеи уже в 2020-х гг. («Шойгуград») без привлечения экспертных групп к обсуждению данного проекта, могут поставить под угрозу реализацию значимых для государства и населения задач. Возможно,

что эта идея станет очередным бесплодным инвестиционным проектом – площадкой для реализации экономических интересов определенных промышленно-финансовых кругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова Л. Бедные вы, уйду я от вас. В регионах Сибири усилился отток населения // Экономика региона. Приложение № 76 от 29.04.2021. – С. 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4793401> (дата обращения 15.03.2024).
2. Василенок К. В. Эффективность инвестиционного проекта: понятие, виды, принципы оценки // Проблемы системной модернизации экономики России: социально-политический, финансово-экономический и экологический аспекты. – СПб.: Институт бизнеса и права, 2010. – С. 12–20.
3. Лившиц В. Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. – М.: Ленанд, 2013. – 640 с.
4. Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920-1980 гг.) / отв. ред. А. И. Тимошенко. – Новосибирск, 2013. – 382 с.
5. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 24.09.2020 N 2464-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-24092020-n-2464-r/natsionalnaia-programma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-dalnego/> (дата обращения 24.03.2024).
6. Новости Иркутской области и Байкальского региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://i38.ru/pervaya-ekonomika/analitiki-okolo-polovini-rossiyan-gotovi-pereechat-v-shoygugradi-v-sibiri> (дата обращения 24.03.2024).
7. Осипов С. Формула Шойгу: новый поход на Сибирь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/186968-formula-shojgu-novyj-pohod-na-sibir.html> (дата обращения 28.03.2024).
8. Открытая электронная газета Forum-msk.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum-msk.org/material/economic/9918227.html> (дата обращения 24.03.2024).
9. Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2021 года (тыс. чел.) (по данным Госкомстата) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm (дата обращения 25.03.2024).

10. Рюмина Е. В. Почему предприятия не хотят и не могут охранять окружающую среду: количественный анализ // ЭНСР. – № 3(46). – 2009. – С. 66–74.
11. Сергей Шойгу – о новых городах в Сибири. Полная версия // Ежедневная деловая газета РБК. Политика. – 6 сентября 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (дата обращения 24.03.2024).
12. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Утверждена Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-26102020-n-645/> (дата обращения 24.03.2024).
13. Штеле Е. А., Вечерковская О. Б. К вопросу о понятии «Эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – Вып. 5. – С. 935–947.
14. Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. – Washington: Brookings Institution Press, 2003. – 240 p.

СЕСЬКИН Е. Е., СКВОРЦОВА Л. Г.
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТАРЕЙШЕЙ ШКОЛЫ
ЛЯМБИРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены предпосылки образования и основные направления развития старейшей школы Лямбирского района Республики Мордовия. Показана деятельность школы в различные временные периоды, приведена характеристика ее культурно-исторической, просветительской роли в жизни общества и села Лямбирь в частности.

Ключевые слова: школа, светская школа, история, образование, село Лямбирь, родной край, родные просторы, краеведение, Родина, Мордовия.

SESKIN E. E., SKVORTSOVA L. G.
ON THE HISTORY OF THE OLDEST SCHOOL IN LYAMBIRSKY DISTRICT
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Abstract. The article discusses the prerequisites for education and the main directions of development of the oldest school in the Lyambirsky district of the Republic of Mordovia. The activities of the school in various time periods are considered. The description of its cultural, historical, educational role in the life of society and the village of Lyambir in particular is presented.

Keywords: school, secular school, history, education, Lyambir village, native land, native landscapes, local history, Motherland, Mordovia.

В 2025 году исполняется 120 лет муниципальному образовательному учреждению «Лямбирская СОШ № 1». Это не только старейшая школа Лямбирского района, но и одна из старейших школ в Республике Мордовия. Весь этот немалый срок школа «ожила» своей неповторимой и уникальной жизнью, оставляя свой след в истории и в сердцах жителей села, хранила традиции, будучи всегда открытой к любым инновациям. Поскольку школа долгое время являлось сосредоточением культурной и общественной жизни в селе, изучение ее истории важно как для краеведов, так и для широкого круга исследователей.

Основу источниковой базы работы составили исследования по истории Республики Мордовия и Лямбирского района. Среди них можно выделить монографию «История Мордовии. От гражданской войны к гражданскому обществу», где представлена современная интерпретация истории Республики Мордовия XX – начала XXI вв. [3]. Книгу Тамары Богровой «Близкий сердцу край. Земля Лямбирская», в которой рассказывается о прошлом и настоящем Лямбирского района, его социально-экономическом развитии, многонациональной культуре и традициях [1]. Так же в статье нашли широкое отражение

материалы республиканской и районной периодической печати. Актуальные данные и статистика были сопоставлены с информацией, представленной на официальном сайте школы.

Современное муниципальное образовательное учреждение «Лямбирская СОШ № 1» располагается в самом центре села Лямбирь Республики Мордовия – месте с не менее интересной историей, чем школа, которой посвящена статья. Сегодня Лямбирь – многонациональное село, крупный райцентр Мордовии, который также является фактически агломерацией Саранска. Село было заложено в 1642 г. темниковскими татарами, которые прибыли сюда для строительства Саранской крепости. На рубеже XIX – XX веков оно насчитывало порядка четырехсот хозяйств. Дореволюционный Лямбирь относительно крупное и сугубо татарское, мусульманское село, центр Лямбирской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии.

Национальный и религиозный состав населения наложили отпечаток на характере получения образования в селе. На центральной улице действовало 4 мечети, в связи с этим народным просвещением села на рубеже XIX–XX вв. полностью заведовали муллы, в частных домах которых лямбирские дети получали свое первое образование [1, с. 131].

В 1905 г. в селе появилась первая светская школа. Её идеальный вдохновитель и фактический основатель – Летфулла Камалетдинович Усманов. Он родился в 1884 г. в семье муллы. Следует отметить, что многие представители рода Усмановых также были муллами, но молодому Летфулле выпала другая судьба – преподавателя и педагога. На момент основания школы Л. К. Усманову было всего 19 лет! [6, с. 2].

Деньги на открытие школы были собраны бакинскими рабочими, выходцами из села Лямбирь. Исторически сложилось, что на бакинских нефтепромыслах работали многие татарские семьи Лямбира. В Баку лямбирцев манил мягкий климат, быстро развивающаяся нефтедобывающая промышленность, близость культуры и языка. До революции здесь образовалась целая диаспора татарской интеллигенции, которая активно развивала татарскую культуру и науку. Когда финансовый вопрос был решен, в качестве первоначального здания школы было куплено небольшое деревянное сооружение с одним помещением у смольковского помещика Новохадского. Бедующую школу разместили в самом центре Лямбира – сейчас это Большевистская улица. В деревянном одноэтажном здании обучалось 30 человек разного возраста – от семи до восемнадцати лет. Среди них были и девушки, но обучались мальчики и девочки раздельно.

Образованный, духовный человек своего времени Летфулла Камалетдинович Усманов посвятил делу обучения односельчан 49 лет жизни. Он стал и первым учителем, и был заведующим в школе [4]. Процесс обучения первоначально проводился на татарском

языке и только спустя многие десятилетия был осуществлен переход на русский язык. В 1913 г. в школе началось строительство пристроя, которое по причине начала первой мировой войны, а затем Октябрьской революции было завершено в 1922 г.

С приходом советской власти жизнь школы и села Лямбирь в целом кардинально изменилась. В 1918 г. школа была преобразована в семилетнюю (до этого времени школа была только начальной), а в 1933 г. получила статус среднего учебного заведения [4].

1930-ые годы прошлого века – важное время для школы. В этот исторический отрезок она стала сосредоточием культурной жизни в селе. Например, в местном клубе проходили концерты, которые учителя школы сами ставили для односельчан. Сохранились и имена педагогов тех лет: математик Константин Петрович Биушкин, языковед Анастасия Афанасьевна Савинова, химик Билял Биктеев, математик Умяр Хафизов, физик Умяр Салихов, учитель татарского языка Каюм Иргутганов, учитель рисования и музыки Фатих Хусяинович Макаев, директор Абдулла Ряхимжанович Мусалимов и многие другие. Именно под руководством учителя рисования и музыки Ф. Х. Макаева школа заняла первое место по художественной самодеятельности среди школ Мордовской АССР. На традиционных для того времени олимпиадах художественной самодеятельности всегда присутствовал народный артист Мордовии И. М. Яушев, который с восторгом отзывался о концертах лямбирцев. Выпускники 1930-ых годов заполнили вакуум кадров в районе и стали его крепкой основой [1, с. 150].

Одним из самых заметных эпизодов в биографии школы стала Великая Отечественная война 1941-1945 гг. На момент начала войны Лямбирская школа была единственной средней общеобразовательной школой в районе. Поэтому школу посещали дети с близлежащих сел и деревень: Кривозерья, Белозерья, Александровки, Владимировки, Красного Дола, Малой Елховки, Пензятки, Тат-Свербеевки, Черемишиева, Болотникова, Щербакова, Мельцаны, Хутора Лопатина, Саловки, Михайловки, Инята, Алтара и Смолькова. В военные годы директорами школы были Аббяс Салахетдинович Балеев (1938–1941 гг.) и Нясрулла Сафиуллович Алукаев (1943–1946 гг.). Обучение велось на русском языке, однако в школе были параллели, разделенные по национальному признаку – русские классы и татарские, где изучали татарский язык. Школа была большой и состояла из трех зданий. В общей сложности с первого по десятый классы в ней обучалось 630 человек.

19 июня 1941 г. выпускникам школы вручили аттестаты об успешном окончании учебы, а уже 22 июня началась Великая Отечественная война. Многие из выпускников школы и ее учителя были отправлены на фронт. Ярким примером из жизни школы в военные годы стали воспоминания учителя Л. П. Попковой: «Девятнадцатилетней девчонкой, окончив учительский институт, я приехала в Лямбирь преподавателем химии и биологии. Я

работала в Лямбирской средней школе с 1939 г. по 1942 г. В школе жизнь бурлила. Работали кружки самодеятельности. Татарский ансамбль песни и пляски так хорошо выступал на сценах Лямбира и Саранска, что завоевал 1-е место в Республиканской олимпиаде художественной самодеятельности. Запевалой в хоре был Мансуров Энвяр – брат Сажиди Мансуровой. 21 июня 1941 г. мы проводили выпускной вечер, было очень весело, гуляли до утра, потом легли спать, а проснулись: «Война!» Все ждали двух часов дня, когда должен был выступать Молотов. Все собирались у репродукторов, а часов в 7-8 по всему Лямбилю проносился тихий шепот, шелест, хлопанье дверей – проходили сборы мужчин всех призывных возрастов, которые должны были собираться у военкомата для отправки на фронт. Сколько было слез при расставании! Уже осенью 1941 г. мы провожали на фронт первую партию учителей, с которых была снята броня: Надежкина, Янгеляева, Макаева Фатиха и Лебедева и других. В зимние каникулы нас, учителей, отправили на заготовку дров в лес, под Хутор Лопатино. Снегу было где-то по колено, а где по пояс. Дали нам из продуктов только 3 килограмма муки. Тогда был лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Выжили мы только благодаря помощи хуторян» [4].

Учебный процесс в военные годы сопровождался массой бытовых проблем, решать которые зачастую было просто некому. Трудности в учебном процессе создавало ведение занятий в две смены. Многие ученики не имели возможности посещать школу так как были вынуждены помогать по быту родным, заменяя ушедших на фронт отцов, братьев, дедов. У учителей была огромная часовая нагрузка, которую они не всегда могли выдерживать, что в свою очередь приводило к срыву уроков. Кроме того, учителей привлекали к другим работам, например, сбору налогов с населения и разъяснительной работе по поводу подписи государственных займов. Некоторые помещения школы были отданы другим организациям. Так, на период 1943–1944 гг., две классные комнаты, где обучалось 60 учащихся, было занято райкомом ВЛКСМ и квартирой военкома [3, с. 139].

Тем не менее, учителя и ученики стойко выносили все тяготы военного времени и, по возможности, старались оказывать посильную помощь Родине в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Например, учителя и школьники организовывали концерты для раненых в госпиталях, писали письма на фронт, собирали посылки.

Память о тех временах, к сожалению, понемногу забывается, но до сих пор жива, ведь живы еще непосредственные участники тех событий – наши дорогие ветераны, труженики тыла и дети войны. Именно они в своих воспоминаниях представляют важнейшие сведения об этом этапе в жизни школы. Например, бесценны воспоминания ветерана педагогического труда Алукаевой Сажиди Хусаиновны.

После тяжелых лет Великой Отечественной войны в школе произошли знаковые события, внесшие корректиды в ее дальнейшее развитие. Так, в 1962 г. школа фактически перестроена – было заложено новое кирпичное здание. Из воспоминаний бывшего директора школы Касима Садыковича Искандярова: «С каким энтузиазмом, молодым азартом взялись мы строить здание школы. Не было транспорта, подъемных механизмов, с трудом доставали строительные материалы. Но с помощью районного руководства трудности преодолевались. Большую помощь в строительстве школы оказывал министр просвещения Мордовии В. В. Кирдяшкин. Активное участие в строительстве школы принимали родители, педагогический коллектив, учащиеся старших классов, труженики колхоза «Победа» и его председатель И.А. Маринов». Ровно через 2 года, а точнее 1 сентября 1964 г. обновленная кирпичная школа открыла свои двери для новых учеников. С именем К. С. Искандярова связано строительство пристроя к школе на 325 ученических мест. В 2022 г. благодаря нацпроекту «Образование» был проведен капитальный ремонт школы, отремонтировано здание школы, построенное в 1964 г.

В 2013 г. школа стала обладателем Гранта Главы Республики Мордовия за победу в республиканском конкурсе общеобразовательных учреждений, активно внедряющих инновационные образовательные программы. Это позволило администрации школы активно осовременить архитектурный облик и внутреннее содержание. Здание, выдержавшее полувековую проверку временем, все же непрестанно модернизируется и неуклонно обновляется. В рамках комплексного проекта модернизации образования была полностью обновлена школьная столовая, решен вопрос по компьютеризации и свободному доступу в интернет, приобретению спортивного инвентаря и т.д.

Таким образом, сегодня «Лямбирская средняя общеобразовательная школа № 1» является муниципальным образовательным учреждением, где учатся 438 школьников. В школе имеется 24 оборудованных учебных класса, кабинет обслуживающего труда, мастерские, спортивный зал, мини футбольное поле и теннисные корты с искусственным покрытием, библиотека, компьютерный кабинет. В школе созданы все условия для творческой реализации обучающегося и учителя, и как результат – победы обучающихся и учителей школы на конкурсах, фестивалях, олимпиадах, конференциях. Но, прежде всего, школа – это история, традиции, дети, учителя и родители. Сейчас это современное учебное заведение, которое каждое 1 сентября готово принимать новых учеников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Близкий сердцу край. Земля лямбирская / под ред. Т. Барговой. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – 222 с.

2. Давыдова А. Шесть мурз основали Лямбирь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yuldash-sputnik.ru/2013/50-20/354-2013-05-21-13-32-19.pdf> (дата обращения 09.04.2024).
3. История Мордовии. В 3-х т. Т. 3: От Гражданской войны к гражданскому обществу. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2001. – 511 с.
4. Маяки образования. Призыв. Газета Лямбирского района Республики Мордовия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.priziv-lyambir.ru/-2017-/314-32/2993-2017-08-31-12-38-04.html> (дата обращения 08.04.2024).
5. МОУ «Лямбирская СОШ № 1» Лямбирского муниципального района РМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sc1lyamb.gosuslugi.ru/?ysclid=lusugcdkv992817274> (дата обращения 07.04.2024).
6. Почему на деньги бакинских рабочих? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.priziv-lyambir.ru/home/226-49/2185-2015-12-07-12-34-14.pdf> (дата обращения 09.04.2024).

КИСТАНОВ С. В., ШМЕЛЕВА В. А.
**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВАКУАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОЙ АССР**

Аннотация. В статье исследуются миграционные процессы в СССР во время Великой Отечественной войны. Авторами рассматривается размещение эвакуированного населения, его социальное обеспечение, профессиональная занятость, взаимоотношение с местными жителями и органами власти в период 1941-1942 гг. на примере Мордовской АССР.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, социальное обеспечение, население, аспекты, эвакуированные граждане, тыл.

KISTANOV S. V., SHMELEVA V. A.
**SOCIAL ASPECTS OF EVACUATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
A STUDY OF THE MORDOVIAN ASSR**

Abstract. The article examines migration processes in the USSR during the Great Patriotic War. The authors consider the placement of the evacuated population in the Mordovian ASSR, their social security, professional employment, relationship with local residents and authorities over the period of 1941-1942.

Keywords: evacuation, the Great Patriotic War, social security, population, aspects, evacuated citizens, home front.

Неудачное начало Великой Отечественной войны поставило перед советским руководством ряд задач, которые нужно было решать как можно скорее. Одной из насущных задач, поставленных в первые дни войны, стала необходимость проведения эвакуационных мероприятий (промышленности и людских ресурсов), планы которых, были разработаны еще до начала военного конфликта с Германией и ее союзниками [5]. Во время Великой Отечественной войны происходили самые масштабные процессы переселения граждан и, хотя эвакуация населения не новое явление в мировой истории, ее скорость и масштаб в СССР превосходят подобные процессы. Эвакуация с запада на восток страны 20,4 миллионов человек приводила и к изменениям в районах страны, принимавших эвакуированных, требовала от местных властей скорейшей интеграции как промышленных объектов в хозяйственную систему региона, так и коррекции социального обеспечения с учетом новоприбывшего населения.

Актуальность данного исследования несомненна, так как позволяет рассматривать региональные аспекты эвакуации, позволяя останавливаться не только на количественных показателях данного процесса, но и на отдельных его качественных проявлениях, в том

числе, и в контексте ее социальных аспектов. Стоит указать и на определенную связь событий тех лет с современностью, когда ход Специальной военной операции на Украине требует от властей нашей страны проводить некоторые эвакуационные мероприятия, касающиеся также и населения полосы, расположенной в непосредственной близости от зоны военных действий.

Стоит отметить, что разного рода вопросы, связанные с эвакуационными мероприятиями в Советском Союзе, осуществляемыми в годы Великой Отечественной войны, находились во внимании отечественной историографии. Однако стоит отметить и тот факт, что эвакуация зачастую в исследованиях рассматривалась в контексте партийного руководства данным процессом. Также стоит отметить и тот факт, что отечественные исследователи значительное внимание в своих работах уделяли эвакуации промышленности, оставляя заметно меньше внимания эвакуации населения, и, соответственно, социальным аспектом, связанными с ней [11; 18]. Но нельзя не отметить и того факта, что советские исследователи ввели в научный оборот огромное число источников, вошедшие, прежде всего, в многотомные труды, посвященные Великой Отечественной и Второй Мировой войне [12; 13]. Региональная историография также не проходила мимо тем, связанных с эвакуацией промышленных объектов и населения из западных районов страны [6; 7]. В работах, изданных в постсоветский период, социальным аспектам эвакуации уделяется значительно больше внимания, чем в предыдущие годы. Ими рассматривались вопросы размещения, социальной адаптации эвакуированного населения, а также вовлечение их в хозяйственную жизнь принявших их районов страны [2; 9; 15; 16; 19]. В современных исследованиях рассматриваются вопросы материально-бытового обеспечения эвакуированного населения, общественных настроений в тылу и их социальной адаптации, деятельность органов власти по руководству эвакуацией населения. В частности отмечалось, что преобладало расхищение средств для эвакуированных, неравномерное распределение и самовольное уменьшение нормы выдачи продуктов, а при разрешении конфликтов между местным населением и эвакуированными они чаще были на стороне первых, ущемляя в правах вторых [16, с. 134-137]. Отдельные исследования проводятся и по поводу размещения на территории Мордовской АССР отдельных категорий эвакуированного населения, например, сотрудников НКВД [3; 4; 8].

Интенсивная эвакуация проходила в первые полгода войны – она составляла порядком около 60 000 человек, далее ее поток сократился и его можно разделить на 2 этапа: лето – осень 1941 г., когда эвакуация была наиболее массовой и лето – осень 1942 г., когда она носила частичный характер [16, с. 133]. В период с 1941 по 1942 год в Мордовскую ССР всего было эвакуировано 80 тысяч человек, из которых было 25 тысяч детей до 15 лет. Чтобы

решить вопрос с их размещением, местными семьями было взято на воспитание или усыновлено 1 300 человек, к тому же создано 26 детских домов по всей республике [14, с. 235]. Для оценки масштабов переселения, стоит отметить, что эвакуированных семей военнослужащих в сентябре 1941 года было 17 326, что составляет 9,5% от общего числа семей. Например, в одном селе Курилово Ромодановского района нашли приют 500 беженцев.

Таблица

Количество эвакуированного населения в Мордовской АССР [19, с. 215]

Дата	Всего человек	Процентный показатель
Сентябрь 1941 года	34 200	42,8
Декабрь 1941 года	58 425	73,0
Май 1942 года	61 200	76,5
Ноябрь 1942	68 200	85,3
После ноября 1942 г.	80 000	100,0

Достаточно интересно географию эвакуации представляют материалы по эвакуированным в Мордовскую АССР в 1941 г. сотрудников НКВД СССР из западных союзных республик и западных областей РСФСР. Наибольшее число эвакуированных семей в июле-октябре 1941 г. прибыли в МАССР из Украинской ССР (249 семей), Белорусской ССР (165 семей) и Литовской ССР (105 семей). Стоит также отметить, что наибольшее число семей эвакуированных сотрудников прибыло из Сумской области (146), для которых Мордовская АССР была запланирована в качестве базового региона для прибытия эвакуированного населения. На остальные союзные республики (Карело-Финская, Латвийская, Эстонская и Молдавская) приходится незначительное число эвакуированных семей – 40 [3]. Из областей РСФСР наибольшее число эвакуированных сотрудников приехали из Московской (47), Смоленской (22), Ленинградской (20) и Мурманской (18). Из других областей РСФСР и из Крымской АССР было эвакуировано в МАССР 20 семей [17].

На начальном этапе эвакуации в Мордовию прибыло 9 эшелонов или 9 000 человек, а затем был подписан рапорт на эвакуацию еще 8 000 человек [6, с. 207]. Национальный состав эвакуированных был довольно разнообразен: в основном население приезжало из западных районов страны – это латыши, эстонцы, украинцы, белорусы, русские, евреи, поляки, литовцы, финны и др. Большое количество беженцев было принято из Ленинграда и Москвы. На территории Мордовской АССР эвакопункты располагались на транспортных узлах, таких как станции Рузаевка, Саранск, Красный Узел, Ковылкино, Атяшево, Ардатов и др.

При рассмотрении социальных аспектов жизни эвакуированных граждан на новой территории следует выделить 3 основных направления:

1. Социальное обеспечение и быт эвакуированных.

Для размещения эвакуированных было необходимо подготовить жилищный фонд за счет пустующих домов в городах и селах, за счет уплотнения жилой площади местного населения и строительства упрощенного типа коммунально-бытовых помещений: общежитий, казарм, бараков, бань, полуzemлянок [6, с. 208; 213]. Однако, 1 млн руб., выделенный для строительства жилых помещений не смог улучшить ситуацию. Например, исполкомы райсоветов Ардатовского, Темниковского, Ичалковского, Зубово-Полянского районов не приступали к строительству общежитий для эвакуированного населения, а к 15 апреля 1942 г. в Саранске и Рузаевке строительство жилых помещений также не было развернуто [19, с. 218]. Стоит отметить, что нередко людей вселяли в коридоры, ванные комнаты, кладовые и кухни, работники эвакуированных промышленных предприятий проживали в частных квартирах и общежитиях, где не было водопроводов, канализаций, достаточного количества кухонь. В целом, положение эвакуированных на тот момент было плачевным: в квартирах с разбитыми окнами, без дверей, с протекающими крышами люди спали на грязном полу, хотя многие из них были ранены в ходе эвакуации. В результате чего, отмечались частые случаи заболевания бронхитом, воспалением легких, инфекционными болезнями, в связи с этим, госпитали были перегружены, а также наблюдалась высокая смертность. Эвакуированным оказывалась медицинская помощь, помощь питанием на первое время из расчета 6 рублей на человека в сутки [6, с. 208].

Крайне остро стояла проблема обеспечения эвакуированных продуктами питания. Большинство претензий граждан приходилось на частые перебои в снабжении хлебом и мукой, которые доходили до месяца. Тяжелое положение с питанием зимой 1941-1942 гг. привело к тому, что люди стали подбирать павший скот и использовать его в качестве пищи, из-за чего распространялись различные заболевания. Некоторые эвакуированные хоть и имели возможность работать, но не уходили в колхозы, прося милостыню. Следует выделить следующие причины перебоев в снабжении продуктами питания: во-первых, фонды для эвакуированного населения продавались и растранижирались, практиковалась выдача сверх нормы неэвакуированному населению, во-вторых, некоторые категории продуктов завозились только в сельпо райцентра, а в другие не завозились, в-третьих, Наркомторг не контролировал передачу эвакуированным предназначенных для них продуктов [19, с. 219].

Для преодоления кризиса было принято решение искать новые источники продовольственных ресурсов. Так, эвакуированные надеялись подсобными хозяйствами, ставшими источником питания для населения. Весной 1942 года СНК МАССР принял

постановление о наделении эвакуированных семей, работающих в колхозах, земельными участками и оказании помощи по закупке семян [19, с. 220]. Таким образом, многие эвакуированные могли себя обеспечить овощами и картофелем, даже продавая излишки. Следует отметить, что сложившаяся ситуация была связана в основном с военной перестройкой народного хозяйства, поэтому не хватало предметов широкого потребления: одежды, обуви, белья, продуктов питания и т. д.

2. Социальные процессы и взаимоотношения между эвакуированным и местным населением, органами власти.

Местные жители негативно воспринимали эваконаселение из-за нескольких аспектов: политический, национальный и бытовой. Эвакуированные граждане представлялись изменниками Родины, которые были завербованы фашизмом [16, с. 137; 19, с. 223]. Однако, хоть среди эвакуированных и были предатели, но большинство являлись порядочными людьми, нуждавшимися в поддержке. Нетерпимо относились местные жители к представителям других национальностей: русским, латышам, эстонцам, литовцам. От националистических настроений местного населения больше всего страдали евреи. На бытовой почве неприязнь проявлялась в том, что местные стремились «выжить» эвакуированных из своих домов, а именно устанавливали слишком высокую плату за проживание, запрещали пользоваться печью, погребом, умышленно повреждали дымоходы, окна и двери, а иногда эвакуированных даже выгоняли на улицу. Враждебные отношения между эвакуированными и местными жителями наблюдались в Инсарском, Ляблинском, Рузаевском, Кочкуровском, Кадошкинском, Большеберезниковском, Старошайговском районах Мордовии [19, с. 217; 223].

Как свидетельствуют источники, на жалобы и просьбы о помощи от эвакуированных местные органы власти, председатели колхозов и райсоветов не только не отвечали, но и относились «издевательски» [19, с. 217]. Эвакуированному населению отказывали в материальной помощи, продаже продуктов, ремонте жилья, транспорте для поездки в больницу, которые приводили к гибели людей.

Стоит отметить, что данные явления не носили массового характера: чаще эвакуированные встречались доброжелательно, а местное население проявляло заботу. В целом отношение к прибывшему населению можно охарактеризовать как терпимое, так как местные жители относились к нему с пониманием. Для пресечения конфликтов на бытовой почве проходили специальные собрания населения, где местные органы власти занимались урегулированием конфликтов и недопонимания. Война, а, следовательно, общие трудности и невзгоды сплотили людей перед общим «врагом», коренное население не обращали внимание на свои проблемы, а некоторые, потеряв родственников на фронте, охотно делили

кров и хлеб с эвакуированными. Даже спустя много лет страницы региональной периодической печати передают теплые слова, которыми эвакуированные в Мордовскую АССР жители западных областей СССР вспоминают время пребывания здесь. Так, Маргарита Алексеевна, прибывшая в с. Сабур-Мачкасы Чамзинского района в конце июля 1941 г. из Мурманска одиннадцатилетней девочкой, с большой теплотой вспоминает людскую доброту и огромную помощь ее семье (мать и шестеро детей). Завершается письмо такими словами: «Передайте всем жителям села Сабур-Мачкасы, района, ставшего для нас вторым домом, поздравления с праздником и пожелания доброго здоровья, успехов и терпения в нынешней жизни» [1].

3. Трудовое размещение эвакуированных и хозяйственное применение.

При направлении эвакуированных граждан председатели райисполкомов были обязаны немедленно устраивать прибывших на работу в колхозы, совхозы, предприятия и учреждения для обеспечения твердого прожиточного минимума и стабильного материального положения людей [6, с. 208]. В Переселенческий отдел при СНК МАССР регулярно предоставлялась информация о прибывших специалистах, но наблюдались значительные нарушения в обеспечении их работой. Некоторые организации препятствовали устройству эвакуированных на работу, руководствуясь тем, что, в первую очередь, необходимо обеспечить рабочие места местному населению. Нетрудоустроенность части эвакуированного населения объяснялась нехваткой одежды и обуви, отсутствием возможности оставить детей, нежеланием работать, получая средства по аттестату. Между тем большинство эвакуированных граждан были заняты в сельскохозяйственной отрасли, работая в колхозах и совхозах республики. К тому же количество прибывших представителей интеллигентных профессий не были обеспечены рабочими местами. Лишь одна профессиональная категория была востребована и являлась полностью трудоустроенной – это врачи. Именно эвакуированные медицинские работники решили проблему обеспечения кадрами эвакогоспиталей Мордовии [19, с. 221-222].

Стоит отметить, что часть людей прибыла в Мордовскую АССР в штате 20 эвакуированных предприятий, окончательно перебазированных в Мордовию к началу 1942 г. из Украины, Белоруссии, Ленинграда, Брянской, Курской, Орловской областей и других регионов страны, и продолжали работу на новом месте. Большинство учреждений были размещены в Саранске и по своему составу нередко являлись некомплектными, что приводило к сложностям в установке оборудования. Наиболее значимыми стали Всесоюзный институт электроизмерительных приборов ВИЭП и Государственный институт проектирования сооружений ГСПН-5, прибывшие из Ленинграда в составе 250 человек и размещенные на заводе «Теплоприбор». Лубенская махорочная фабрика из Полтавской

области Украины эвакуировала на махорочную фабрику 55 человек, Кременчугская швейная фабрика приехала лишь в составе 12 человек, а Гомельский кирпичный завод из Белоруссии прибыл без работников и служащих. На пеньковом комбинате в г. Саранск были расположены Карабаевская шпагатная фабрика, эвакуированная из Брянской области, и Харьковский канатный завод, приехавший из УССР. Из Калининской области на станцию Теплый Стан перебазировалось оборудование треста «Калининстройлес», где находилось 4 лесозавода и, соответственно, создание предприятия являлось проблематичным. Кроме того, были переведены в Мордовию такие учреждения как: Рождественский спиртзавод, Селецкий комбинат строительных деталей из Брянской области, Пеновский лесозавод из Калининской области, а также Хвастовичский, Брасовский, Соколовский, Шаблыкинский, Хотынецкий, Новостильский пенькозаводы. [19, с. 230-231].

Кроме сельского хозяйства и промышленности эвакуированное население было направлено зимой 1941-1942 гг. на строительство специальных укреплений на территории МАССР и прилегающих областей – Сурского рубежа. По плану намечалось привлечь к работам 67 тыс. человек из 22 районов республики, однако к концу строительства трудилось лишь 50 тыс. человек. Крестьяне, чаще всего женщины, Ельниковского, Старошайговского, Краснослободского, Большеигнатовского, Мельцанского и других районов прибывали на работу пешком, в связи с отсутствием железных дорог, и изнурительно трудились в сильнейшие морозы без достаточного количества фуража, оборудования и одежды. Однако, мобилизация проходила весьма напряженно, например, в Рузаевском районе на строительство прибыло 2170 чел. вместо 4 тыс. и как следствие, некоторые эвакуированные склонялись от мобилизации. Из мобилизованных крестьян Козловского района дезертировало 273 человека, а из Рузаевского 400 человек, однако дезертирство наблюдалось не часто, например, в батальоне №73, в котором трудились крестьяне из Атяшевского района, из 147 колхозников колхоза «Труд» не дезертировал ни один человек. Тем не менее, эвакуированное население вложило огромные усилия в общий труд рабочих, крестьян, интеллигенции Мордовии, а также в оборонное строительство, что выразилось в премировании крестьян (93%), рабочих, колхозников и служащих [10].

Таким образом, нами были рассмотрены важные социальные аспекты эвакуации населения в Мордовской АССР в период Великой Отечественной войны. Подобные тенденции можно выявить и в других республиках многонациональной страны. Например, Чувашская АССР тепло приняла свыше 70 тыс. человек (число сопоставимое с количеством эвакуированных в Мордовскую АССР), которых обеспечили работой в промышленности и сельском хозяйстве. Для эвакуированных детей в возрасте до 15 лет, которых в Чувашии насчитывалось свыше 30 тыс. человек, создавались школы и детские сады. Их

необходимость была вызвана наличием неработающих женщин, количество которых в Чебоксарах к 1942 г. варьировалось от 600 до 1700 человек по причине нехватки яслей и детских садов, [15, с. 106]. Первый эвакогоспиталь в Чувашии открылся в августе 1941 г., управление и работу которого взяли на себя жены командиров, эвакуированные в Алатырь из Белоруссии. Помощь госпиталю оказывала санитарная дружина из работников горкома партии и комсомола, поэтому частая смена медперсонала не вызывала проблем. За годы своей работы эвакогоспиталь не только принимал эшелоны с ранеными, но и давал концерты для выздоравливающих. Как и в соседней Мордовской АССР, проводилось уплотнение местного населения за счет размещения эвакуированных, осуществлялась борьба с нехваткой продовольствия, так как качество продуктов питания нередко было низким из-за хищения и несвоевременной поставки продовольствия [2, с. 21]. Это позволяет нам говорить о схожести ситуации с эвакуированным населением не только в Поволжье, но и в стране в целом.

Не стоит забывать, что человеческие ресурсы были очень важны для государства в условиях военного времени. Государство старалось в полной мере их сохранять: эвакоорганы старались предоставить эвакуированным работу, соответствующую их специальности; выделяли крупные суммы на обеспечение населения и строительство жилых помещений для них, регулировали отношения между местным населением и приезжими гражданами. Благодаря быстрой переброске материальных и людских ресурсов с запада в восточные районы СССР, преодолению трудностей, на фронте и в тылу, Советскому Союзу удалось сохранить свой суверенитет и одержать победу над врагом. Сохраненный человеческий потенциал стал важнейшей базой для восстановления страны после завершения Великой Отечественной войны. И сейчас мы не должны преуменьшать вклад тыла в победу над фашистской Германией, а наша Великая Победа ковалась сообща, и роль эвакуированного населения страны в этом процессе велика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева М. Низкий поклон вам чамзинцы: (письмо эвакуированной в 1941 г. из Мурманска в Сабур-Мачкасы) // Знамя. – 1995. – 6 мая. – С. 3.
2. Бирюкова С. Б. Проблемы эвакуации в годы Великой Отечественной войны: (На материалах респ. Мордовия, Чувашия, Марий Эл): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1996. – 22 с.
3. Богатырев Э. Д., Кистанов С. В. Количественные аспекты эвакуации сотрудников органов внутренних дел в Мордовскую АССР в 1941 г. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20, № 3 (51). – С. 262–278.

4. Богатырев Э. Д., Кистанов С. В. Эвакуация Сотрудников НКВД в Мордовскую АССР в 1941 г.: Качественный Анализ Руководящего Состава // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22, № 4 (60). – С. 373–386.
5. Вечная Отечественная. Фильм 3. Эвакуация как сверхпроект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=HBgtzOF_pHQ (дата обращения 9.04.2024).
6. Захаркина А. Е., Лопатова В. И., Смирнова В. Б. Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. – Саранск: Книжное отделение республиканской типографии «Красный октябрь» полиграфиздата Министерства культуры Мордовской АССР, 1962. – 568 с.
7. Ионова В. С., Заводов А. И. Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Материалы к 30-летию Победы над фашистской Германией). – Саранск: Мордовское книжное издательство Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Мордовской АССР, 1975. – 118 с.
8. Кистанов С. В. Эвакуация Сотрудников Войск НКВД в Мордовскую АССР в 1941 г. // Регионы России в военной истории страны. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции / Редакторы-составители О. А. Кошкина, Е. П. Кузьмина. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 168–175.
9. Кошкина О. А. Эвакуация населения в Мариюскую АССР в годы Великой Отечественной Войны // Марийский археографический вестник. – 2015. – № 25. – С. 17–23.
10. Митин С. В. Участие органов государственной власти Мордовии в мобилизации населения на строительство Сурского рубежа в 1941 г. // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: мат-лы науч.-практич. конф. / Сост. и отв. ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитонова. – Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 2021. – С. 74–75.
11. Морехина Г. Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 480 с.
12. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. – М.: Наука, 1977. – 727 с.
13. Советский тыл в Великой Отечественной войне. В 2-х ч. / под ред. П. Н. Поспелова. – М.: Мысль, 1974. – 366 с.

14. Сухарев А. И., Юрченков В. А., Кузнецов П. П., Арсентьев Н. М. Мордовия энциклопедия: в 2-х т. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2003. – Т. 1: А-М. – 570 с.
15. Толстова Н. Ю. Эвакуированное население в Чувашии в годы Великой Отечественной войны: региональная историография второй половины XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – 2016. – С. 105–110.
16. Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Самара: Самарский гос. технический ун-т, 2009. – 155 с.
17. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36.
18. Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941-1942 гг.: Сборник статей и воспоминаний / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М.: Наука, 1966. – 263 с.
19. Юрченков В. А., Конаков В. В., Круглов Н. С. [и др.]. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Саранск: ГУ НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. – 382 с.